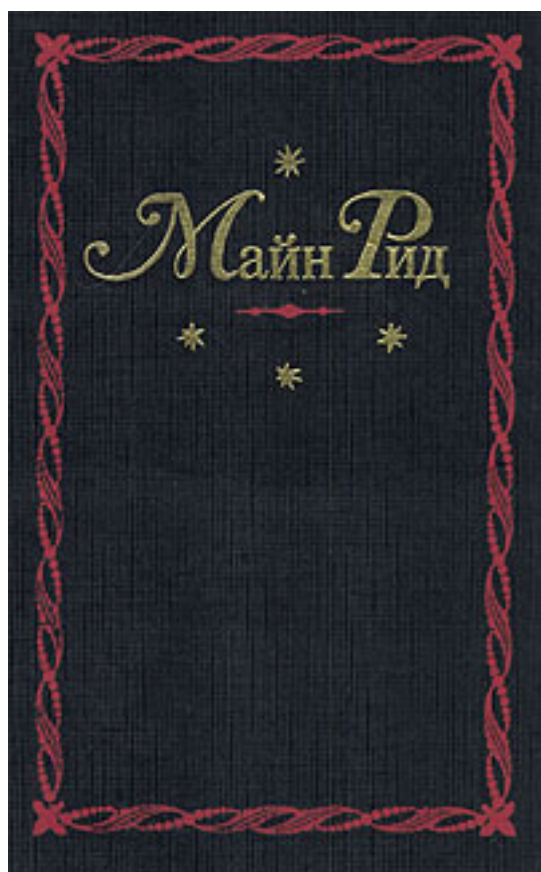

Томас Майн Рид Жена дитя

Текст предоставлен переводчиком
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160211

Аннотация

Ньюпорт – один из лучших курортов Нового Света. Там можно встретиться с представителями высших слоев американского общества. Впрочем, появляются там и европейские аристократы... А заполучить «геральдическую корону» для своих отпрысков - мечта многих «нуворишей». Хотя обедневшие аристократы-авантюристы тоже не прочь добиться руки баснословно богатой невесты...

Содержание

Предисловие вдовы автора	4
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	27
Глава VIII	30
Глава IX	33
Глава X	36
Глава XI	39
Глава XII	41
Глава XIII	45
Глава XIV	50
Глава XV	54
Глава XVI	57
Глава XVII	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Майн Рид Жена дитя

Предисловие вдовы автора

Большинство событий, изложенных в этой книге, происходило в жизни автора или он был их свидетелем.

*Элизабет Рид
Лондон, 1888*

Глава I

Остров мира

Эквиднек – «Остров мира»!

О Коддингтон (Уильям Коддингтон – один из основателей колонии Род Айленд в 17 веке. – Прим. перев.) и вы, заседавшие в Генеральном совете! Что за безумие охватило вас, когда вы заменили благородное название краснокожих аборигенов на ничтожное «Родс» (Речь идет о законодательном собрании штата Массачусетс, сменившем индейское название на «Род Айленд». – Прим. перев.)?

Будь проклят ваш вкус и ваше пристрастие к классике! Будь проклято ваше невежество – принять имя старого голландского мореплавателя «Родт» за название страны колосса!

В названии, данном Блоком, было по крайней мере соответствие – даже что-то поэтическое. Обогнув мыс Сачуэст, он увидел могучие леса, красные в золотых лучах осеннего солнца. Перед его радостным взором проплывали алые массы древесной листвы и гирлянды багровых вьюнков. Взгляду открывались яркие утесы цвета охры. И в корабельном журнале появилось название «Ред Айленд» – «Красный остров»!

О, достойный Коддингтон, почему ты отверг индейское название? И почему изменил название в честь этого смелого голландца?

Я буду придерживаться старого названия – «Остров мира»; хотя в более поздние времена название меньше соответствовало действительности, чем тогда, когда индейцы вампаноа (Вампаноа – индейское племя, населявшее современные штаты Массачусетс и Род-Айленд. Наррангансет – залив Атлантического океана в штате Род-Айленд. На берегу – известный курорт Ньюпорт. – Прим. перев.) окунали свои бронзовые тела в воды Наррангансета и вели легкие каноэ мимо скалистых берегов.

С тех пор, Эквиднек, слишком часто чувствовал ты удары серпа войны. Где теперь твои девственные леса, радовавшие глаза Верранзано (Итальянский мореплаватель, открывший в 16 веке Нью-Йоркский залив и залив Наррангансет. – Прим. перев.), которые помнили пейзажи Тосканы? Где твои грандиозные дубы, вязы и клены? Где зеленые сосны и красные кедры? Твои березы, дававшие кору, твои каштаны, поставлявшие пищу? Твой американский лавр, восстановитель здоровья и жизни?

Исчезло – все исчезло! Сметено факелами и топорами безжалостных солдат-разрушителей.

Несмотря на весь этот грабеж, ты все еще прекрасен, Эквиднек. Ты снова остров мира, обитель любви; каждый дюйм твой почвы исхожен ногами влюбленных, каждый утес слышал старую-старую историю.

Ньюпорт в год Господа нашего 18... в самый разгар сезона.

Номер в самом гостеприимном из американских отелей – «Оушн Хаус» – «Дом океана», с окнами, выходящими на запад.

Третий этаж, с длинным балконом, откуда открывается вид на Атлантический океан, бескрайний и голубой, уходящий за горизонт. Слева мыс Сачуэст; пена, как снежные хлопья, разбивается о скалу Корморан; справа Бивер Тейл, с его маяком; между ними флот рыбачьих судов, охотящихся на полосатого окуня и таутогу; вдаль видны паруса большого корабля под полной осносткой и длинный столб дыма от парохода; оба корабля идут мимо берега на пути из одного большого морского порта в другой.

Прекрасный вид открывается на обширный эстуарий Наррангансета. И прекрасные глаза часто разглядывали этот вид.

Но не было среди них глаз прекрасней, чем у Джули Гердвуд, нынешней обитательницы упомянутого номера.

Она не единственная его обитательница. Рядом с ней еще одна молодая леди – Корнелия Инскип, ее кузина. У нее тоже красивые голубые глаза; но после прекрасных темно-карих глаз, в которых словно горит вечный свет, они почти незаметны.

На языке писателя, автора романов, Джули именовалась бы брюнеткой, а Корнелия – блондинкой. Фигуры у них такие же разные, как и цвет волос: Джули высокая, женственная, Корнелия миниатюрная, хрупкая и внешне гораздо более молодая.

Не похожи они и по характеру и настроению. Темноволосая Джули более склонна к мрачным мыслям и серьезным поступкам, в то время как веселая проворная Корнелия, судя по ее речи, меньше склонна думать о прошлом и еще меньше о будущем. Одетые в легкие утренние платья, в крошечных туфельках на ногах, обе девушки сидят у окна в креслах-качалках. Обе, разглядывая голубое море, только что увидели пароход, выходящий из-за далекого мыса Юдифь и направляющийся на северо-восток.

Прекрасное зрелище – это огромное черное чудовище, прокладывающее свой путь по голубым водам, оставляя за собой длинный белый кипящий след.

Корнелия вскочила и подошла к балкону, чтобы лучше разглядеть пароход.

– Интересно, что это за корабль, – сказала она. – Один из больших океанских пароходов? Кунард? (Здесь и ниже упоминаются корабли известной английской пароходной компании «Белая звезда Кунадра», названной по имени основателя. Корабли этой компании перевозили почту в Канаду и Соединенные Штаты. – Прим. перев.).

– Думаю, нет, Нел. Хотела бы я, чтобы это был такой корабль, а я у него на борту. Слава Богу! Через несколько недель так и будет.

– Что! Тебе уже надоел Ньюпорт? Лучшего места в Европе мы не найдем. Я уверена в этом.

– Во всяком случае людей более интересных мы найдем.

– А что ты имеешь против них?

– А что они имеют против нас? Я говорю не о местных жителях. Они хороши по-своему. Я говорю о летних гостях, таких, как мы. Ты спрашиваешь, что они имеют против нас. Станный вопрос!

– Я ничего не заметила.

– А я заметила. Наши отцы были розничными торговцами, и все эти Дж., и Л., и Б. смотрят на нас сверху вниз! Ты знаешь, что так оно и есть.

Мисс Инскип не могла отрицать, что тоже нечто такое заметила. Но она была из тех уравновешенных спокойных характеров, которые мало значения придают аристократическим знакомствам и потому невосприимчивы к светскому высокомерию.

Но гордая Джули – совсем другое дело. Высший свет этого «водяного» места если не отвергал ее полностью, то относился надменно – та его часть, которую она называли «Дж., и Л., и Б.»

– И почему? – продолжала она с возрастающим негодованием. – Если наши отцы были розничными торговцами, то их деды тоже. В чем разница, хотела бы я знать?

Мисс Инскип не видела никакой разницы и так и сказала.

Но это не успокоило возмущенный дух ее кузины, и, видя это, Корнелия попыталась отвлечь ее, переведя разговор на другую тему.

– Что ж, Джули, если мисс Дж., и мисс Л., и мисс Б. смотрят на нас свысока, об их братьях этого не скажешь. Особенно на тебя они так не смотрят.

– Не нужны мне их братья! Не нужна их снисходительность! Ты считаешь меня душой, Нел? Причина в миллионе долларов, которые оставил отец и которые перейдут ко мне после смерти матери. К тому же, если зеркало меня не обманывает, я не такое уж пугало.

Она имела право так говорить. Никогда перед зеркалом не стояла девушка, меньше похожая на пугало, чем Джули Гирдвуд. Рослая, с прекрасной фигурой, дочь торговца обладала достоинством подлинной герцогини. Лицо ее соответствовало фигуре. Невозможно было посмотреть на него и не подумать о любви; впрочем, как ни странно, одновременно возникало какое-то представление об опасности. Так должны были выглядеть Клеопатра, Лукреция Борджа и прекрасная убийца Дарнли (Дарнли, аристократ 16 века, был убит по приказу своей жены, шотландской королевы Марии Стюарт. – Прим. перев.).

В ее облике не чувствовалось неловкости, ни малейшего следа низкого происхождения или неуклюжести и грубоватости, которые обычно бывают с ним связаны. Возможно, кое-что из этого можно было заметить в ее кухне Корнелии, выросшей в деревне. Но Джули Гирдвуд слишком долго ступала на плиты Пятой авеню, чтобы ее можно было отличить от гордых дам, расхаживающих по этой аристократической улице. На ней стоит дом ее матери.

– Это правда, Джули, – заверила ее кузина. – Ты богата и прекрасна. Хотела бы я о себе сказать то же самое.

– Ну, ты, маленькая лстыца! Если ты не богата, то уж точно красива. Впрочем, ни то ни другое здесь много не значит.

– Зачем же мы тогда сюда приехали?

– Я к этому не имею отношения. Виновата мама. Со своей стороны, я предпочитаю Саратогу, где меньше обращают внимания на родословную и где дочь торговца не хуже его внучки. Я хотела отправиться туда на этот сезон. Мама возражала. Ничего не удовлетворяет ее, только Ньюпорт, Ньюпорт, Ньюпорт! И вот мы здесь. Слава Богу, уже недолго.

– Ну, поскольку мы уже здесь, давай наслаждаться тем, за чем сюда приезжают, – купанием.

– Ты хочешь сказать, делают вид, что приезжают купаться. Мисс Дж., Л. и Б. окунаются в соленую воду, но это имеет малое отношение к их пребыванию в Ньюпорте! Неплохо бы им почаще купаться. Может, фигуры стали бы получше. Бог видит, они в этом нуждаются; и слава Богу, что мне это не нужно.

– Но ты будешь сегодня купаться?

– Нет, не буду.

– Подумай, кузина! Это такое замечательное ощущение.

– Мне оно ненавистно!

– Ты шутишь, Джули?

– Ну, я не хочу сказать, что мне не нравится купание. Но эта толпа...

– Но на пляже нельзя отгородиться.

– Мне все равно. Я туда больше не пойду – ни на пляж, ни в другие места. Если бы только я могла выкупаться там, в синих водах или среди бурунов, которые мы видим! Ах! Вот это было бы восхитительное ощущение! Есть ли такое место, где можно искупаться одним?

– Есть. Я как раз такое место знаю. Открыла его в тот день, когда мы с Кезией собирали раковины. Оно под утесами. Там маленькая пещерка, настоящий грот, и перед ним глубокий бассейн, с гладким песчаным дном. Песок белый, как серебро. Утес нависает над этим местом. Я уверена, что сверху нас никто не увидит; особенно если мы пойдем, когда все уже будут купаться. Все будут на пляже, а скалы окажутся в нашем распоряжении. Кстати, мы можем в этой пещере раздеться, и нас никто не увидит. А Кезия посторожит снаружи. Скажи, что пойдешь, Джули.

– Ну, я не возражаю. Но как же мама? Она так цепляется за приличия. Она может не разрешить.

– А мы ей ничего не скажем. Она сегодня не собирается купаться: сама мне сказала. Мы пойдем, как обычно, словно на пляж. А когда выйдем, пойдем, куда захотим. Я знаю тропу через поле, которая приведет нас на это самое место. Пойдешь?

– Ну, хорошо, согласна.

– Тогда нам пора выходить. Слышишь топот в коридоре? Это купающиеся идут на пляж. Давай позовем Кезию и отправимся.

Джули не возражала, и ее проворная кузина выглянула в коридор; остановившись у входа в соседний номер, она позвала:

– Кезия!

Номер принадлежал мисс Гирдвуд; а Кезия – ее смуглокожая служанка, которая выполняла роль прислуги для всех трех.

– В чем дело, дитя? – послышался голос, явно не Кезии.

– Мы идем купаться, тетя, – ответила юная леди, приоткрывая дверь и заглядывая. – Хотим, чтобы Кезия приготовила нам платья.

– Да, да, – ответил тот же голос, который принадлежал самой мисс Гирдвуд. – Ты слышала, Кезия? И послушайте, девушки! – добавила она, обращаясь к обеим молодым леди, которые теперь стояли в дверях. – Поучитесь плавать. Помните, что мы отправляемся за море, и нам может грозить опасность утонуть.

– О, мама! Ты меня заставляешь дрожать.

– Ну, ну, надеюсь, вам никогда не понадобится умение плавать. Но все равно не повредит, если умеешь держать голову над водой, и не только в буквальном смысле. Поторопись с платьями, девушка! Все уже ушли, вы опоздаете. А теперь уходите!

Вскоре в коридоре показалась Кезия со свертком одежды.

Крепкая здоровая негритянка, в шляпе без полей, новоорлеанского стиля, в полосатом пестром платке, она была обязательным приложением к семейству покойного торговца, словно нарочно, чтобы придать его членам вид южан и, конечно, аристократов. Не одна миссис Гирдвуд в то время выбирала служанок именно с такой целью.

Девушки сбросили домашние туфли и обули кожаные сапожки. Кокетливо посадили на головы шляпки, набросили на плечи шали – день был прохладный.

– Пошли! – С этими словами кузины двинулись по коридору, спустились по большой лестнице, пересекли площадь перед отелем и свернули на дорогу, ведущую на пляж.

Но как только из отеля их стало невозможно увидеть, они изменили свой курс и пошли по тропе, ведущей прямо к утесам.

Минут через двадцать их могли бы увидеть, когда они спускались по одной из расщелин, которые рассекают утес: Корнелия шла первой, Джули сразу за ней, а негритянка в тюрбане со своим свертком шла позади.

Глава II

Пара наяд

Их видели.

Одинокый джентльмен, прогуливавшийся по верху утеса, видел девушек внизу.

Он шел со стороны мыса Охр, но был слишком далеко и смог только определить, что это две молодые леди в сопровождении черной служанки.

Ему в такой час это показалось немного странным. Сейчас время купания на пляже. Он видел раздевалки, из которых выходили купальщики и купальщицы в ярких зеленых, синих и красных нарядах; на удалении они похожи были на разнаряженных лилипутов.

– Почему эти две леди не со всеми? – размышлял джентльмен. – Наверно, собирают раковины, – последовало предположение. – Или ищут какие-нибудь необычные водоросли. Несомненно, они из Бостона. И готов биться об заклад, что на носу у каждой пара синих очков.

Джентльмен улыбнулся, представив себе эту картину, но сразу отказался от своего предположения: заметил цвет кожи служанки.

– Похожи скорее на южан, – произнес он про себя.

После чего перестал о них думать. В руке у него было ружье, и он собирался поохотиться на крупных морских птиц, которые время от времени пролетали над утесом.

Так как прилив еще не наступил, птицы летали низко, подбирая кусочки пищи среди водорослей, которые лежали на краю воды.

Заметив это, спортсмен решил, что внизу у него будет больше возможностей, и начал спускаться по первой же расселине.

Спускался он медленно. Тут и там уступы требовали большой ловкости; задерживал также предательский песок.

Но джентльмен не торопился. Стрелять можно в любом месте. Пройдет еще несколько часов, прежде чем колокол «Оушн Хаус» прозвонит, приглашая постояльцев к большому обеду. Он один из этих постояльцев. До этого времени у него нет никаких причин возвращаться в отель.

Джентльмен, который так неторопливо спускается на берег, заслуживает нескольких слов описания.

Стиль одежды свидетельствует, что он всего лишь спортсмен-любитель. Скорее он военный. Фуражка, немало уже послужившая, бросает на загорелое лицо тень; сильный загар говорит о том, что служба проходила в тропиках; а оттенок загара, свежий и теплый, подтверждает, что джентльмен вернулся из жаркого климата недавно. Простой сюртук гражданского покроя плотно застегнут; полувоенный костюм завершают темно-синие панталоны и хорошо сшитые башмаки. Добавим: одежда сшита точно по фигуре и подчеркивает ее достоинства.

Лицо соответствует фигуре. Не овальное, а скорее круглое, свидетельствующее о смелости и решительности. К тому же красивое, расположенное под гривой темных волос и украшенное четко очерченными усами. Человек, обладающий всеми этими преимуществами и, судя по внешности, немало путешествовавший на военной службе, молод: ему еще нет тридцати.

Медленно спускаясь, он слышал только скрип камней под своими подошвами.

И только когда остановился и посмотрел на пролетающую чайку, рассчитывая дальность бойности своего ружья, услышал другие звуки.

Звуки такие сладкие, что чайка тут же была забыта. Она пролетела мимо, а стрелок так и не нажал курок, хотя мог бы задеть птицу концом ствола.

– Нимфы! Наяды! Русалки! Кто из этих трех? Прозерпина, занимающаяся среди скал водным спортом! Боги и богини, достойные кисти великого живописца!

Такие мысли пронесли у него в голве, когда он стоял, пригнувшись за камнем, выступавшим из линии береговых утесов. За камнем находилась пещера, в который купались молодые леди; негритянка сидела неподалеку на камне, не очень внимательно глядя по сторонам.

– Целомудренная Диана! – воскликнул спортсмен, – Прости мне это вторжение. Уверю тебя, оно совершенно непреднамеренное. Нужно уходить, чтобы не превратиться в оленя (Артемиды, древнегреческая богиня-охотница, превратила юного Актеона, подглядывшего, как она купается, в оленя, которого разорвали его же собственные псы. – Прим. перев.). Я только хотел взглянуть на пещеру, о которой мне говорили. Именно с таким намерением я сюда пришел. Однако какая нелепая помеха.

Но выражение лица свидетельствовало, что помеха не так уж раздражает его. Да и поведение говорило о том же: он продолжал стоять за камнем, глядя за него.

Стоя по пояс в прозрачной воде: намокшие юбки облегали тело, и ясно видны были ноги, – девушки продолжали забавляться. Только сам Иосиф (Библейский персонаж Иосиф Прекрасный, противостоявший искушению. – Прим. перев.) мог бы уйти от такого зрелища!

Волосы у девушек – черные и золотые – распустились, они сверкали от капелек воды; тонкими розовыми пальцами девушки плескали друг другу воду в лицо, и скалы звенели от веселой музыки их голосов. Ах, кто бы мог отвести взгляд от такой картины!

Спортсмену это стоило больших усилий: ему удалось это сделать, только вспомнив о сестре.

Думая о ней, он не стал больше задерживаться, но отступил дальше за камень.

– Очень неудобно! – снова произнес он про себя, на этот раз, возможно, с большей искренностью. – Мне очень хотелось здесь пройти. Пещера должна быть совсем недалеко, а мне придется идти в обход! Либо это, либо подождать, пока они кончат свои водные игры.

Несколько мгновений он стоял в нерешительности. До того места, где он начал спуск с утеса, довольно далеко. Больше того, дорога очень трудная, в чем он убедился на собственном опыте.

Он решил остаться и подождать, пока «берег не освободится».

Джентльмен сел на камень, достал сигару и закурил.

Он находился шагах в двадцати от того места, где развлекались красавицы. И слышал плеск воды под их ладонями, когда они, словно молодые лебеди крыльями, били руками по воде. Слышны были голоса девушек, прерываемые звонкими взрывами смеха. В том, что он слушает их, нет никого вреда, потому что вздохи моря мешали разбирать слова. Время от времени доносились отдельные возгласы, свидетельствовавшие о веселье наяд, или строгий голос негритянки, призывавший выходить из воды, потому что начинается прилив.

По этим звукам джентльмен знал, что его не заметили, когда он стоял за камнем.

Прошло полчаса, а девушки продолжали плескаться в воде; по-прежнему доносился их смех.

– Должно быть, настоящие русалки: оставаться в воде так долго! Наверно, теперь с них хватит!

Как показывает эта мысль, спортсмен начинал терять терпение.

Вскоре плеск и смех прекратились. По-прежнему слышались голоса девушек; временами их прерывал голос негритянки.

– Ну, они наконец вышли и одеваются, – весело заметил джентльмен. – Интересно, много ли им на это потребуется времени. Надеюсь, не час еще.

Он достал новую сигару. Она была уже третьей.

– К тому времени как я ее кончу, – рассуждал он, – они уже уйдут. Во всяком случае будут одеты; и я смогу пройти мимо, не проявляя грубости.

Он зажег сигару, затянулся и прислушался.

Разговор после перерыва продолжился, но более спокойным тоном и больше не перемежался смехом.

Сигара уменьшилась, превратилась в короткий окурочек, а серебристые голоса по-прежнему слышались, перекрываемые хриплой симфонией моря – с приливом звуки моря становились все громче. Поднялся свежий ветер; он принес с собой приливные волны, усилившие шум; наконец голоса девушек начали походить на отдаленные металлические звяканья, и слушатель начал сомневаться, что вообще их слышит.

– Их время кончилось, – сказал он, вскакивая на ноги и отбрасывая окурочек сигары. – Они вполне могли дважды завершить свой туалет. Больше не могу ждать: пора продолжать исследования!

Он повернулся к выступающему камню. Один-единственный шаг – и тут же пришлось остановиться: на лице джентльмена неожиданно появилось выражение удивления и даже тревоги! Прилив незаметно подобрался к скалам, и теперь точка, на которой он недавно стоял, находилась под тремя футами воды; а волны продолжали подниматься!

Не осталось ни пляжа внизу, ни карниза над ним: продолжать путь можно только по воде.

Исследователь сразу понял, что продолжать путь в намеченном направлении невозможно, если только он не хочет по пояс заходить в воду. Цель, которую он имел в виду, не стоила такого погружения; и с восклицанием разочарования – и досады за потерянное время – он повернулся и пошел назад по своим следам вдоль утеса.

Больше он шел не прогулочной походкой. Возникло опасение, которое заставило его ускорить шаг. Что если и отступление будет прервано той же преградой, которая помешала идти вперед?

Мысль эта казалась достаточно тревожной; торопливо перебираясь через камни и полоски песка, превратившиеся в бассейны, джентльмен вздохнул с облегчением, только когда оказался у расселины, по которой спустился.

Глава III

Два рифмоплета

Спорстмен ошибался, считая, что девушки ушли. Они по-прежнему были в пещере, только не разговаривали.

Диалог их кончился вместе с одеванием, и обе занялись делами, которые требовали тишины. Мисс Гирдвуд читала книгу, по-видимому, том стихотворений; а ее кузина, захватившая все материалы для рисования, принялась делать набросок грота, который послужил им помещением для переодевания.

Когда девушки вышли из воды, в нее погрузилась Кезия. Теперь вода была такой глубокой, что полностью скрыла смуглую фигуру негритянки, так что никто не смог бы увидеть ее с берега.

Поплескавшись минут с десять, негритянка вернулась на берег; снова накинула свое льняное платье, выжала курчавые волосы, поправила платок и, поддавшись расслабляющему влиянию соленой воды, легла на сухой каменистый участок берега. И почти мгновенно уснула.

В таком виде находилось трио, когда исследователь, обнаружив, что продвижение вперед невозможно, повернул назад вдоль утесов. Молчание заставило его считать, что купавшиеся ушли.

Некоторое время это молчание продолжалось. Корнелия рисовала с большим усердием. Сцена была вполне достойна ее карандаша: три фигуры в том положении, в котором они оказались, представляли собой интересную картину. Девушка собиралась запечатлеть на память эту оригинальную сцену: хотя молодые леди иногда ускользали в одинокие места, такие экспедиции требовали определенной смелости.

Сидя на камне настолько далеко от прилива, сколько позволяли волны, Корнелия рисовала свою кузину, сидящую спиной к стене утеса, и темнокожую служанку с головой в тюрбане, которая вытянулась на берегу. Покрытый трещинами утес и расположенный под ним грот; темные нависающие скалы и круто уходящая вверх расселина – стороны этой расселины покрыты вьюнками и фантастической формы кустами – все это должно было появиться на рисунке.

Девушка заканчивала рисунок, когда ее кузина издала восклицание.

Джули уже некоторое время быстро перелистывала книгу – либо в нетерпении, либо в разочаровании ее содержанием.

Временами она останавливалась, прочитывала несколько строк и двигалась дальше, словно искала чего-нибудь получше.

Наконец она бросила том на песок и воскликнула:

– Вздор!

– Кто?

– Теннисон.

– Ты, конечно, шутишь? Божественный Теннисон – поэт поэтов нашего века!

– Поэт века! Такого нет!

– Что? А Лонгфелло?

– То же самое. Американское издание, разбавленное, если только такое возможно.

Поэты называется! Рифмоплеты, создатели мелких мыслей в длинных гекзаметрах. У обоих нет ничего, что вызвало бы малейшую эмоцию!

– Ты сурова, кузина. А как же ты объяснишь их всемирную популярность? Разве это не доказательство, что они подлинные поэты?

– А было ли это доказательством в случае с Саути? Бедный обманутый Саути, считавший себя выше Байрона! И мир разделял его веру – по крайней мере половина мира, пока он был жив! В наши дни такой стихоплет едва ли заслужил бы право быть напечатанным.

– Но Лонгфелло и Теннисон заслужили такое право.

– Это верно; вместе с всемирной популярностью, как ты говоришь. Все это легко объяснить.

– Как?

– Потому что они случайно появились *после* Байрона – сразу после него.

– Не понимаю тебя, кузина.

– Ничего не может быть яснее. Байрон опьянил мир своим божественным творчеством. Его совершенные стихи для души то же самое, что вино для тела; они вызывали дрожь возбуждения, подлинный пир интеллектуального наслаждения. Подобно всем иным крайностям, за ними последовал период нервного отупения, который требует пилюли и глотка выпивки. Нужна полынная водка или настой ромашки; и все это предоставили Альфред Теннисон, поэт-лауреат королевы Великобритании, и Генри Водсворт Лонгфелло, любимец сентиментальных очкастых молодых леди Бостона. За поэтической бурей последовал период прозаического спокойствия, который длится уже сорок лет, нарушаемый только писком этой пары рифмоплетов.

– Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж! – со смехом сказала Корнелия.

– Да! – воскликнула Джули, раздраженная равнодушием кузины. – Именно такая жалкая игра слов, такое слабое воображение и ничтожные мысли исходят из их опустошенного сознания и вкладываются в стихи. И именно с их помощью эти рифмоплеты приобрели всемирную популярность, о которой ты говоришь. Долой таких претендентов на звание поэта! Вот чего они заслуживают.

Она подняла ногу и презрительно наступила на бедного Теннисона, погрузив том его стихотворений в песок.

– О, Джули, ты испортишь книгу!

– Тут нечего портить. Напрасная трата бумаги и типографской краски. В любой из этих красивых водорослей, что лежат на песке, больше поэзии, – гораздо больше, чем в миллиарде подобных томов. Пускай лежит!

Последние слова были адресованы Кезии, которая, придя в себя от сна, наклонилась, чтобы подобрать растоптанную книгу.

В этот момент Корнелия встала – не из-за слов кузины, а просто потому, что волны Атлантики добрались до ее юбок. Она стояла, а морская вода капала с ее одежды.

Художница была недовольна этой помехой: рисунок еще не закончен; а перемена места изменяет перспективу.

– Неважно, – сказала она, закрывая альбом, – можно снова прийти сюда завтра. Ты ведь пойдешь со мной, Джули?

– И ради себя тоже, мисс. Это маленькое купание – как раз то, что нужно. Я не испытывала такого наслаждения с тех пор, как мы высадились на этом острове ... острове Эквиднек. Мне кажется, таково его древнее название. Пошли отсюда. Сегодня для разнообразия я пообедаю с аппетитом.

Кезия выжала купальные костюмы и сложила их; все трое приготовились уходить.

Теннисон остался лежать на песке; его презрительный критик не позволил поднять книгу.

Девушки решили возвращаться в отель той же расселиной, по которой пришли сюда: другого пути они не знали.

Но, добравшись до выступающего камня, ограждавшего маленький пляж от остальной части берега, они неожиданно остановились.

Тропы, по которой они пришли сюда, больше не было: они слишком долго оставались в пещере, и прилив отрезал им дорогу назад.

Вода достигала в глубину всего нескольких футов; и, будь она спокойной, они могли бы перебраться вброд. Но прилив создал такое сильное течение, которое вполне могло сбить с ног.

Они видели это, но пока еще никакого страха не испытали. Считали всего лишь неприятной помехой.

– Придется идти в другом направлении, – сказала Джули, поворачиваясь назад к пещере и направляясь мимо нее.

Но и здесь догога была преграждена, как и с той стороны.

Та же глубокая вода, та же опасность быть унесенными течением!

Они стояли и смотрели на воду, которая с каждым мгновением становилась все глубже и опасней!

Назад к тому месту, которое оставили.

Здесь глубина тоже увеличилась. С того времени как они отсюда ушли, уровень воды поднялся на фут. Свежий ветер со стороны моря усиливался.

Теперь кажется невозможным пройти вброд с обеих сторон; а никто из трех женщин не умеет плавать.

Кузины одновременно закричали. Они впервые открыто признали страх, который тайне обе испытывали.

Снова на ту сторону – потом опять назад. Теперь их охватила паника.

Обе уже не сомневались в том, что ситуация стала очень опасной. Тропа по обе стороны от пещеры закрыта. Путь отступления отрезан!

Они повернулись в отчаянии.

Остается единственная надежда. Прилив может не закрыть их с головой; разве нельзя подождать, пока начнется отлив?

Они бросали быстрые вопросительные взгляды на волны, на грот, на нависшие над ним скалы. Не привыкшие к морю, они не знали, чего ожидать. Знали только, что прилив приходит и уходит; но как далеко? Ничего не могло им подсказать, ничего не подтверждало страхи или не говорило, что они в безопасности!

Такое состояние неопределенности выдержать труднее, чем сознание опасности.

Под давлением этого состояния девушки схватились за руки и закричали:

– Помогите! Помогите!

Глава IV «Помогите! Помогите!»

Крик о помощи достиг вершины утеса.

Он был услышан; услышан тем самым человеком, который до того слышал смеющиеся голоса девушек.

Это был тот же самый спортсмен с ружьем.

Поднявшись по расселине, он повернулся на север, в сторону Истонского пляжа: это был кратчайший путь к отелю.

Джентльмен думал о случае, который заставил его предпринять такой трудный обход; впрочем, скорее думал не об этом, а вспоминал лицо одной из наяд, игравших в пруду.

Это была черноволосая девушка.

Он вспоминал и ее фигуру. Беглый взгляд, который он бросил на верхнюю часть ее тела и полуприкрытую прозрачной водой нижнюю, показал ему то, что забыть было трудно. Он отчетливо припоминал прекрасные очертания и почти сожалел о приступе деликатности, заставившем его отступить за камень.

Это сожаление имело некоторое отношение к направлению, избранному спортсменом.

Он надеялся встретить купальщиц, поднявшихся на вершину утеса.

Впрочем, прошло слишком много времени. Он видел, что пляж уже опустел: несколько темных фигур явно принадлежали холостякам, которые стали гостями Нептуна только за вторым столом.

Конечно, две наяды сменили купальные костюмы на более привычные уличные платья и давно уже вернулись в отель. Таково было его заключение.

И тут послышался противоречащий ему крик, а за ним еще и еще!

Спортсмен подбежал к краю утеса и заглянул вниз. Никаких знакомых ориентиров он не увидел. Прилив, теперь уже поднявшийся высоко, все внизу изменил. Карнизы погрузились в воду, о них свидетельствовали только прибойные волны.

Снова послышался крик!

Опустившись на колени, джентльмен подобрался к самому краю крутого утеса. По-прежнему внизу ничего не видно! Ни женщины, ни вообще человека. И ни одного места, на которое можно ступить ногой. Только темные гневные волны, ревущие, как рассерженные львы; они обнимают выступ скалы так, словно пытаются утащить его с собой в океанские глубины.

И посреди этого волнения и рева снова крик! Опять и опять, пока он не стал непрерывным!

Ошибиться в его значении невозможно. Купальщицы все еще внизу. И вне всякого сомнения, им грозит опасность.

Как он может им помочь?

Джентльмен встал. Огляделся по сторонам – осмотрел тропу вдоль края утеса, поля, уходящие от берега.

Ни одного дома поблизости – никакого шанса раздобыть веревку.

Он повернулся в сторону Истонского пляжа. Может, там есть лодка. Но сумеет ли он привести ее сюда вовремя?

Сомнительно. Крики продолжались, свидетельствуя о близкой опасности. Кричащие, возможно, уже сражаются с волнами прилива.

И тут он вспомнил расселину. Она недалеко. Та самая, по которой спустились и молодые леди. Он отличный пловец и знает это. Если подплывет к пещере, успеет добраться вовремя.

Крикнув, чтобы заверить девушек, что их просьба о помощи услышана, он побежал назад по утесу.

Добежав до расселины, бросился в нее и скоро достиг уровня моря.

Не останавливаясь, повернул вдоль берега, через песок и булыжники, через острые выступы, по скользким от водорослей камням.

Вскоре джентльмен добрался до выступа, за которым стоял раньше. Отсюда снова слышны были крики отчаяния, смешанные с ревом наступающего моря.

Обойти этот выступ вброд невозможно. Вода ему по горло и непрерывно кипит и волнуется.

Сбросив сапоги, положив ружье, шляпу и сюртук на камень, спортсмен бросился в бушующие волны.

Это едва не стоило ему жизни. Дважды волны с силой ударили его о камень; каждый раз он едва приходил в себя от удара.

Но ему удалось обогнуть выступ и добраться до пещеры, где волны на пологом склоне стали меньше.

Теперь плыть было легко; вскоре он оказался рядом с купальщицами, которые, увидев его, перестали кричать, считая, что опасность миновала.

Они все были в гроте, отступив как можно дальше. Тем не менее вода достигала им до лодыжек.

Увидев его, они пошли навстречу, погрузившись в воду по колени.

– О, сэр! – воскликнула старшая из двух молодых леди. – Вы видите, в каком мы положении. Сможете помочь нам?

Пловец встал. Посмотрел направо и налево, прежде чем ответить.

– Плавать умеете? – спросил он наконец.

– Нет, никто.

– Плохо, – подумал он про себя. – Все равно сомнительно, чтобы я смог пронести их по воде. Я едва смог проплыть сам. Нас почти несомненно разобьет о скалы. Что же, во имя неба, делать с ними?

Это были мысли, а не слова, и девушки их не слышали. Но они видели выражение лица незнакомца и стояли, дрожа и в ожидании глядя на него.

Он неожиданно повернулся и посмотрел на утес. Вспомнил расселину, не заметную сверху. Теперь она ему видна с основания до верха.

На лице его появилась надежда. Тут можно подняться!

– Вы, конечно, сможете здесь подняться? – подбадривающим тоном спросил он.

– Нет, нет! Я уверена, что не сможем. Я не смогу.

– Я тоже.

– Можно держаться за кусты. Это не так трудно, как кажется. Эти пучки травы удержат вас; и я вижу места, куда можно поставить ноги. Я сам легко мог бы здесь подняться; но, к несчастью, я не смогу вам помочь. Для двоих нет места.

– Я уверена, что упаду, не добравшись и до половины высоты!

Это сказала Корнелия. Джули повторила то же самое. Негритянка молчала. Губы ее посерели, от ужаса она словно лишилась дара речи.

– В таком случае нет иного выхода, как попробовать плыть, – сказал незнакомец, снова повернувшись лицом к морю и разглядывая прибой. – Нет! – добавил он, очевидно, пересмотрев свое мнение. – В одиночку я, может быть, и добрался бы, хотя это сомнительно. С

тех пор как я сюда пришел, прилив еще увеличился. На море ветер. Я хороший пловец, но боюсь, взять с собой одну из вас – выше моих сил.

– Но, сэр! – умоляюще сказала темноволосая девушка. – Разве мы не можем переждать здесь, пока прилив не спадет?

– Это невозможно! Посмотрите сюда! – ответил он, показывая на утес.

Невозможно было не понять, что он имеет в виду. Вдоль всего вертикального утеса проходила линия, тут и там к ней прилипли высохшие водоросли. Это верхний предел прилива. И он высоко над головой!

Девушки, глядя на эту линию, одновременно вскрикнули. По правде говоря, они впервые полностью осознали опасность. До сих пор они надеялись, что прилив не покроет их с головой. Но до этой линии они не могли бы даже дотянуться рукой!

– Смелей! – воскликнул незнакомец; в голосе его снова зазвучали подбадривающие нотки, словно в голову ему пришла новая мысль. – У вас обеих есть шали. Дайте их мне.

Ни о чем не спрашивая, девушки сняли с плеч кашмировые шали и протянули ему.

– Мне пришел в голову план, – сказал он, доставая нож и разрезая шали на полосы. – Раньше я об этом не подумал. С их помощью я помогу вам подняться.

Вскоре шали превратились в несколько лент. Незнакомец связал их вместе, превратив в длинную прочную веревку.

Девушки помогали ему в этой операции.

– А теперь, – сказал он, как только веревка была готова, – я смогу вас поднять одну за другой. Кто пойдет первой?

– Иди, кузина, – сказала темноглазая, – ты легче. Ему будет легче тебя поднять.

Поскольку времени на споры и церемонии не было, Корнелия согласилась с этим предложением. У незнакомца не было выбора.

Он обвязал веревкой талию девушка, потом так же старательно обвязался сам. Связанные таким образом, они начали подъем.

Хотя подниматься было трудно, им удалось успешно завершить дело; вскоре молодая леди невредимая стояла на вершине.

Она никак не проявила свою радость. Ее кузина по-прежнему внизу – в опасности!

Незнакомец снова направился к расселине, по которой спустился. Снова обогнул скалу, борясь с прибоем, и опять оказался в пещере.

Сверху ему бросили веревку из шали, и он подхватил ее; и вторично пустил ее в дело.

Вскоре Джули точно так же была спасена от опасности утонуть.

Но усилия спасителя на этом не кончились. Его галантность не была связана с цветом кожи.

В третий раз подверг он опасности жизнь, и вскоре негритянка тоже стояла на вершине утеса – и присоединилась к молодым леди в выражениях благодарности.

– Мы никогда не сможем вас достойно отблагодарить, – говорила кареглазая.

– О, никогда! – подхватила ее голубоглазая спутница.

– Еще одно одолжение, сэр, – сказала первая говорившая. – Мне стыдно об этом просить. Но над нами будут смеяться, если об этом станет известно. Не слишком ли много будет попросить вас никому не рассказывать об этом неприятном приключении?

– Я ничего не скажу, – ответил спаситель. – Можете быть в этом уверены, леди.

– Спасибо! Тысяча благодарностей! Мы у вас в большом долгу, сэр. До свидания, сэр!

С поклоном темноглазая отвернулась и пошла по тропе, ведущей к Оушн Хаус. В голубых глазах было видно какое-то более глубокое чувство; хотя девушка ушла, не выразив его.

Наверно, их можно извинить тем, что они боялись слишком опоздать.

Но негритянке никакие причины не были нужны.

– Благослови вас Бог, храбрый масса! Да благословит вас Бог! – были ее прощальные слова – единственные слова благодарности, произнесенные искренне.

Глава V

Выстрел в охотничью собаку

С изумлением, окрашенным легким чувством раздражения, спортсмен смотрел вслед трем женщинам, которых спас от неминуемой гибели.

– Тысяча благодарностей! Мы у вас в большом долгу.

Он повторял эти слова, подражая тону, каким они были произнесены.

– Клянусь небом! – продолжал он, подчеркивая каждое слово. – Немного холодноватая благодарность! Чего я старался ради этих дам? У меня на родине такую благодарность я получил бы, если бы подобрал перчатку или помог перебраться по ступенькам через ограду. «До свидания, сэр!» Не спросила об имени и свое не назвала! Ни намек на новую встречу!

– Ну, вероятно, у меня будет еще возможность увидеться с ними. Они направились прямо к Оушн Хаус. Несомненно, пара птичек из этого дорогого птичника. Райские птички, если судить по перышкам! Ах, эта темноглазая! Походка как у гоночной лошади, глаза как у орлицы!

– Странно, как делает свой выбор сердце! Странно, что я больше думаю о той, что проявила меньше благодарности! Она говорила почти надменно. Интересно, взаимна ли привязанность?

– Я мог бы полюбить эту девушку – я в этом уверен. Была бы это искренняя честная страсть? В этом я не так уверен. Она не из тех женщин, которых я хотел бы назвать своей женой. Я уверен, что она скорее носила бы...

– Кстати, я вспомнил о своих сапогах, сюртуке и шляпе. Что если их смыло приливом? Как я буду выглядеть, возвращаясь в отель босиком и в одной рубашке? И без шляпы! Возможно, именно это меня ожидает. Мой Бог!

Это восклицание было произнесено совсем иным тоном. До сих пор человек говорил с улыбкой на губах. Но с восклицанием «Мой Бог!» на лицо его набежало облачко.

Перемена была вскоре объяснена новыми словами.

– Мой бумажник! В нем тысяча долларов! Все мои деньги! Если он потерялся, я буду выглядеть еще более жалко, возвращаясь в отель. Меня ждет длинный счет. И мои документы! Некоторые для меня очень важны – паспорт и другие! Боже помоги мне, если они исчезли!

Снова вдоль утеса, снова спуск по склону с такой торопливостью, словно внизу еще одна девушка с глазами орлицы ждет помощи.

Джентльмен достиг уровня моря и пошел вдоль берега, когда увидел на воде темный предмет – примерно на расстоянии кабельтова от берега. Это была небольшая гребная лодка, и в ней два человека.

Она направлялась к Истонскому пляжу; но гребцы прекратили работать и сидели, подняв весла. Они находились примерно напротив пещеры, из которой он так недавно выбрался.

– Какая жалость! – подумал спортсмен. – Если бы они показались на двадцать минут раньше, они уберегли бы мои ушибленные кости, а леди сохранили шали, которые стоили им, наверно, целое состояние – долларов пятьсот каждая. Лодка, должно быть, все это время шла вдоль берега. Как глупо, что я ее не увидел!

– Но почему они остановились? А, мое пальто и шляпа! Они увидели их, как и я. Слава небу, мой бумажник и документы целы!

Он торопился, чтобы еще больше обезопасить их, потому что прибор подобрался совсем близко к одежде – и вдруг заметил темную чудовищную фигуру, приближающуюся со стороны моря. Добравшись до мелкого места, из воды выбрался огромный ньюфаундленд.

Собака, очевидно, приплыла с лодки – она была с нее послана. Но спортсмен не понимал, с какой целью, пока пес не вскочил на уступ, схватил в зубы его сюртук и вместе с ним снова прыгнул в воду.

Бродвейский сюртук из самой дорогой ткани; тысяча долларов в кармане; документы, которые дороже в десять раз!

– Эй! Эй! – закричал владелец, бросаясь к месту, где совершился грабеж, – брось, ты, зверюга! Брось!

– Ко мне! – послышался голос из лодки. – Ко мне, добрый Бруно! Тащи добычу!

За этими словами последовал взрыв смеха, презрительно отразившегося от утеса. В смехе приняли участие оба лодочника.

Лицо спортсмена стало мрачнее скал береговых утесов. Он остановился в молчаливом изумлении.

До этого момента он считал, что двое в лодке его не видели и что собака была послана за тем, что можно считать «бесхозным имуществом». Но приказ, отданный псу, вместе с презрительным смехом, излечили его от этого заблуждения, и он повернулся к лодке с мрачным выражением, способным испугать и более смелых людей.

Гнев его не уменьшило то, что перед ним были два молодых человека из высшего общества, очевидно, на лодочной прогулке. Возможно, это еще больше усиливало оскорбление.

Он, бывавший в таких даях, шедший за команчами по их боевым тропам, скрещивавший саблю с мексиканскими штыками, – и над ним смеются таким образом и такие типы!

– Отзовите собаку! – крикнул он, и голос его отразился от скал. – Отзовите, или, клянусь небом, вы пожалеете!

– Давай, Бруно! – кричали с лодки, не обращая на него внимания. – Хороший пес! Хватай! Тащи сюда!

Человек в рубашке несколько мгновений стоял в нерешительности, чувствуя свою беспомощность. Собака отбежала от него, и догнать ее невозможно. Невозможно и плыть к лодке, чтобы излить свой гнев на гребцов, чья речь продолжала его мучить.

Самому ему казалось, что прошла вечность, однако нерешительность длилась всего несколько мгновений. Оглянувшись, спортсмен увидел ружье, лежавшее там, где он его оставил.

Он с криком подскочил и схватил оружие. Оно заряжено крупным зарядом: он ведь собирался поохотиться на водную дичь.

Он не стал предупреждать. Низменное поведение этих двоих избавило его от необходимости церемоний; быстро подняв ружье, он послал заряд дроби над плечом ньюфаундленда.

Собака выронила сюртук, болезненно завизжала и неловко поплыла к лодке.

Смех на лодке стих. Гребцы увидели ружье.

– Это двустволка, – крикнул спортсмен достаточно громко, чтобы они услышали. – Если подведете лодку чуть поближе, могу разрядить второй ствол!

Молодые люди решили не принимать его приглашение. Шутка их зашла слишком далеко и получила неожиданное продолжение; с мрачными лицами она втащила на борт бедного Бруно и начали грести дальше.

К счастью для спортсмена, прилив продолжал прибывать, поэтому его сюртук отнесло к берегу – вместе с долларами и документами.

Некоторое время ушло на выжимание промокшей одежды и приведение себя в порядок, прежде чем вернуться в отель. К счастью, при возвращении не нужно проходить по улицам: в то время Оушн Хаус отделялся от скалистого берега – сцены недавнего приключения – только полями.

– Достаточно приключений для одного дня! – проговорил спортсмен, приближаясь к огромному каравансараю, в котором кишели сотни счастливых обитателей.

Но он не знал, что его ждет еще одно приключение. Вступив на длинную площадь, он увидел двух джентльменов, появившихся с противоположной стороны. Их сопровождала большая собака, которой пришлось помочь подняться по лестнице.

Узнавание было взаимным; впрочем, выразилось оно только в мрачном виде. И тут же прозвенел веселый гонг, приглашая на обед.

Глава VI

Любящая пара

– Женился по любви! Ха! Какой я был дурак!

Эти слова произнес мужчина, сидевший за столом, опираясь локтями.

– Я тоже была дура, и по той же причине!

Ответ, произнесенный женским голосом, донесся из соседней комнаты. В то же мгновение дверь, чуть приоткрытая, распахнулась толчком, обнаружив говорящую – женщину с замечательной фигурой и прекрасным лицом; тем более прекрасным, что оно дрожало от негодования.

Мужчина вздрогнул и в замешательстве поднял голову.

– Ты меня слышала, Франс? – спросил он тоном, одновременно мрачным и полным стыда.

– Слышала, Ричард, – ответила женщина, величественно входя в комнату. – Отличная речь для мужчины, женившегося меньше года назад. Негодай!

– Заслуженное название! – упрямо ответил мужчина. – Достаточно, чтобы сделать человека негодяем!

– Чего достаточно, сэр?

– Только подумать, если бы не ты, у меня были бы тысячи годового дохода и титулованная жена!

– И только подумать, что у меня могли быть десятки тысяч и лорд в качестве мужа, геральдическая корона над головой, на которую ты не в состоянии надеть шляпку!

– Ба! Я бы хотел, чтобы у тебя был твой лорд.

– А я бы хотела, чтобы у тебя была твоя леди.

Недовольный супруг, обнаружив, что проигрывает игру взаимных обвинений, снова упал в кресло, оперся локтями о стол и опять принялся дергать себя за волосы.

А разгневанная жена ходила взад и вперед по комнате, как тигрца, сердитая, но торжествующая.

Муж и жена, они были примечательной парой. Природа богато одарила обоих: мужчина красив, как Аполлон, женщина прекрасна, как Венера. Наделенные высокой моралью, они выдержали бы сравнение с кем угодно на земле. Описанная сцена напоминала разговор Люцифера с разгневанной Юноной.

Разговор велся на английском языке, с британским акцентом; говорящие, по-видимому, родом из Англии – оба. Это впечатление подтверждали некоторые их путевые вещи, чемоданы и сумки английского производства, разбросанные по полу. Квартира располагалась на втором этаже второразрядного дома с меблированными квартирами в городе Нью-Йорк.

Объяснение очень простое. Милая пара только что высадилась с атлантического парохода. На багаже еще различимы меловые метки таможенников.

Человек, знакомый с особенностями жизни англичан и ставший свидетелем этой сцены, пришел бы, вероятно, к следующим заключениям.

Мужчина, очевидно, родился «джентльменом» и столь же очевидно – воспитывался не в лучшей школе. Он служил в английской армии. Ошибиться в этом невозможно, как невозможно и не понять, что сейчас он не служит. На лице у него по-прежнему офицерские усы, хотя офицерского звания уже нет. Свой патент он продал; но предварительно получил нарек от полковника и «круглый робин» (Письмо, на котором подписи расположены кружком, чтобы не было понятно, кто подписал первым. – Прим. перев.) от собратьев-офицеров, требующий его ухода в отставку. Возможно, когда-то он был богат, но давно промотал свое

богатство; может быть, истратил даже деньги за свой патент. Теперь он беден. Внешность его свидетельствует об авантюризме.

Относительно женщины можно сделать аналогичные заключения. По ее внешности и действиям, по модному покрою платья наблюдатель, которому приходилось стоять на краю Роттен-Роу (Аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке. – Прим. перев.), узнает в ней одну из «прекрасных всадниц», «анонимных героинь» сезона.

Такое часто встречается. Красивый мужчина, прекрасная женщина, оба со злым сердцем, испытывают друг к другу преходящую страсть, которая длится достаточно долго, чтобы они стали мужем и женой, но редко переживает медовый месяц. Такова и история этой пары.

Описанная бурная сцена далеко не первая. Просто один из шквалов, которые проносятся над этой парой ежедневно.

Спокойствие, последовавшее за этим сильным порывом, не могло быть продолжительным. Такая темная туча не может рассеяться, не разрядив свое электричество.

Продолжение последовало. Женщина, не удовлетворенная, снова заговорила.

– Допустим, ты бы женился на своей леди – я знаю, кого ты имеешь в виду, – эту старую каргу леди С. Как бы вы здорово проводили время! Она вряд ли могла бы поцеловать тебя, не рискуя потерять передние зубы или проглотить их. Ха-ха-ха!

– Леди С.! Чтоб ее повесили! Да у меня могло быть два десятка титулованных леди! И среди них молодые и такие же красивые, как ты.

– Хвастливый негодяй! Это ложь, и ты это знаешь! Красивые, как я! Как ты изменил свою музыку! Ты знаешь, что меня называли «красавицей Бромптона»! Хвала небу, мне не нужны твои уверения, что я красива! Люди, у которых вкус в десять раз лучше, чем у тебя, говорили мне об этом. *И еще могут сказать!*

Последние слова были произнесены перед зеркалом, у которого остановилась говорящая, разглядывая свое отражение.

Отражение не противоречило ее словам.

– Могут сказать! – подхватил голос, проникнутый равнодушием, искренним или деланным. – Я бы хотел, чтобы так и было!

– Правда! Тогда так и будет!

– О! Я согласен! Ничто не дало бы мне большего удовольствия. Слава Богу! Мы в стране, где на такие вещи смотрят со здравым смыслом и где развод устроить не только проще, но и дешевле. Так что я не буду стоять у вас на пути, мадам; напротив, сделаю все, чтобы помочь вам. Думаю, мы честно можем сослаться на «несовместимость характеров».

– Та, что с тобой уживется, будет ангелом.

– Поэтому можно не бояться, что тебе откажут; разве что исключат падших ангелов.

– Грязный оскорбитель! Боже мой! И только подумать, что я отдала руку такому недостойному человеку!

– Отдала свою руку? Ха-ха-ха! Кем ты была, когда я тебя отыскал? Бродягой, если не хуже! Это был худший день в моей жизни, когда я тебя встретил.

– Подлец!

Слово «подлец» означает обычно кульминацию спора. Когда оно произносится между двумя джентльменами, то часто ведет к тому, что они показывают друг другу нос. Если слово адресует леди джентльмену, конец бывает совсем другой, хотя в любом случае после этого тема разговора резко меняется. В данном случае разговор вообще кончился.

Ответив восклицанием, муж вскочил и принялся расхаживать вдоль стены комнаты. Жена занялась тем же у противоположной стены.

Молча ходили они взад и вперед, обмениваясь гневными взглядами, как тигр и тигрица в клетке.

Мужчина устал первым. Он вернулся на место, достал из коробки «регалию», зажег и принялся курить.

Женщина, словно решившая ни в чем не уступать, достала свою сумочку для сигар, выбрала тонкую «королеву» и, опустившись в кресло-качалку, закуталась в облако дыма, так что вскоре стала так же невидима, как Юнона в своем нимбе.

Больше они не обменивались взглядами – это вряд ли было возможно, – и около десяти минут царил молчание. Жена молча переживала свой гнев, а муж словно задумался над какой-то тайной проблемой, занявшей его ум. Наконец невольное восклицание подсказало, что он, по-видимому, пришел к решению. Довольное выражение лица, едва различимого в дыме, свидетельствовало, что решение принесло ему удовлетворение.

Достав из зубов «регалию» и развеяв облако дыма, он склонился к жене, в то же время произнес ее ласкательное имя:

– Фэн!

И форма имени, и тон голоса свидетельствовали, что с его стороны буря миновала. Под влиянием никотина его раздражение улеглось.

Жена, на которую курение тоже подействовало, достала изо рта «королеву»; голосом, в котором звучало прощение, ответила:

– Дик!

– Мне пришла в голову мысль, – сказал он, возобновляя разговор совсем по-иному. – Великолепная мысль!

– В ее великолепии я сомневаюсь. Но смогу лучше судить, если ты со мной поделишься. Ты ведь собираешься это сделать, мне кажется.

– Да, – ответил он, не обращая внимания на сарказм.

– Послушаем.

– Ну, Фэн, если что-то в этом мире и ясно, так то, что, поженившись, мы допустили большую ошибку.

– Ясно, как день, – для меня по крайней мере.

– Тогда ты не оскорбишься, если я скажу, что у меня аналогичное мнение. Мы поженились по любви. Но это была глупость, которую мы не могли себе позволить.

– Мне кажется, я все это знаю. Скажи мне что-нибудь новое.

– Больше чем глупость, – продолжал достойный супруг. – Это был совершенно безумный поступок!

– Особенно с моей стороны.

– Со стороны нас обоих. Имей в виду, я не жалею, что взял тебя в жены. Жалею только в том отношении, что уничтожил твои возможности и шансы на успех. Я знаю, что ты могла выйти за гораздо более богатых мужчин.

– Значит, ты это признаешь?

– Конечно. А ты должна признать, что у меня была возможность жениться на богатых женщинах.

– Например, на леди Карге.

– Неважно. Леди Карга могла спасти меня от тягостей жизни; а она обещает стать еще тяжелей. Ты знаешь, у нас не осталось никаких ресурсов, кроме моего искусства игры в карты. Я приехал сюда в счастливом заблуждении, что найду множество жирных голубей и что ястребы обитают только по ту сторону Атлантики. Ну, я тут повсюду побывал со своими рекомендациями, и какой результат? Я понял, что самый тупой обитатель салонов Нью-Йорка будет одним из самых умных в Лондоне. Я уже потратил сотню фунтов и не вижу возможности вернуть их.

– А что ты видишь, Дик? В чем твоя идея?

– Ты готова выслушать мое предложение?

– Как ты снисходителен, что спрашиваешь меня. Давай послушаем. Соглашусь ли я на него, это другое дело.

– Ну, моя дорогая Фэн, идею мне подсказали твои собственные слова, поэтому ты не можешь на нее сердиться.

– Если это всего лишь *идея*, можешь не опасаться. А что за слова?

– Ты сказала, что хотела бы, чтобы я женился на леди.

– Сказала. Ну и что?

– Больше, чем ты думаешь. Очень много смысла.

– Я сказала то, что думала.

– Ты говорила со зла, Фэн.

– Я говорила искренне.

– Ха-ха! Я тебя слишком хорошо знаю, чтобы поверить.

– Правда? Мне кажется, ты себе льстишь. Может, когда-нибудь поймешь, как ошибался.

– Нисколько. Ты меня слишком любишь, Фэн, как и я тебя. Именно поэтому я и делаю предложение.

– Достаточно. Оттого что ты затягиваешь, оно мне не понравится больше. Давай, Дик: ты хочешь от меня чего-то? Чего именно?

– Дай мне разрешение...

– На что?

– *Жениться снова!*

Женщина, ставшая год назад женой, вздрогнула, словно от выстрела. Во взгляде ее были гнев и удивление, но и вопросительное выражение.

– Ты серьезно, Дик?

Вопрос был задан машинально. Она видела, что он говорит серьезно.

– Подожди, пока услышишь все, – ответил он и начал объяснять.

Она ждала.

– Я предлагаю следующее. Ты разрешаешь мне *жениться снова*. Больше того, ты поможешь мне в этом деле – ради нашей общей выгоды. Это самая подходящая страна для такого плана; и я считаю, что я самый подходящий человек для его осуществления. Эти янки разбогатели. У них десятки, сотни наследниц. Странно было бы, если бы я не смог найти для себя такую! В таком случае они либо прекрасней тебя, Фэн, либо я утратил свою привлекательность.

Это обращение к ее тщеславию, как ни искусно сделанное, не вызвало никакого ответа. Женщина продолжала молчать, позволяя мужу продолжить объяснение. Он продолжал:

– Нет смысла закрывать глаза на наше положение. Мы оба говорим правду. Мы поступили глупо. Твоя красота лишила *меня* возможностей в жизни: и моя ... гм... привлекательная внешность, если можно так выразиться, сделала то же самое с *тобой*. Любовь была взаимная, и вред тоже обоюдный – короче, мы оказались в проигрыше.

– Справедливо. Продолжай!

– Но перед нами новые возможности! Я сын бедного священника; ты ... впрочем, нет смысла говорить о семейных делах. Мы приплыли сюда в надежде улучшить наше положение. Земля млека и меда оказалась для нас полной желчи и горечи. У нас осталось только сто фунтов. Что мы будем делать, когда они кончатся, Фэн?

Фэн не могла ответить.

– Со стороны местного света мы не можем ждать снисходительности, – продолжал авантюрист. – Когда кончатся деньги, что я смогу сделать – что сможешь сделать ты? Я не умею ничего, могу лишь водить наемный экипаж; тебе придется настроить свой музыкаль-

ный слух на шум швейной машины или на скрип катка для белья. Клянусь небом, нам этого не избежать!

Бывшая красавица Бромптона, в ужасе от подобной перспективы, вскочила с кресла и снова принялась расхаживать по комнате.

Неожиданно она остановилась и, повернувшись к мужу, спросила:

– *Ты меня не обманешь, Джек?*

Вопрос был задан серьезно и искренне.

– Конечно, нет. Как ты можешь во мне сомневаться, Фэн? Мы оба заинтересованы в этом деле. Можешь верить мне!

– Тогда я согласна, Дик. Но берегись, если ты меня обманешь!

На эту угрозу Дик ответил облегченным смехом и в то же время приложился поцелуем Иуды к губам, которые его задали.

Глава VII

Послушная дочь

– Офицер, только что вернувшийся из Мексики, капитан или что-то в этом роде; служил в части, специально созданной для этой войны. Конечно, незначительный человек!

Таково было заключение вдовы торговца.

– Ты узнала его имя, мама? – спросила Джули.

– Конечно, моя дорогая. Клерк заглянул в книгу регистрации отеля – Мейнард.

– Мейнард! Если этот тот самый капитан Мейнард, о котором писали газеты, он совсем не ничтожный человек. В сообщениях так не говорилось. Ведь это он возглавил сопротивление в совершенно безнадежном положении у С.; он был первым на мосту в месте с абсолютно непроизносимым названием!

– Вздор о безнадежных положениях и мостах! Это ему не поможет, теперь, когда он в отставке, а его часть распущена. Он теперь без пенсии и жалованья; подозреваю, что у него совершенно пустые карманы. Я узнала все это от слуги, который его поджидал.

– Можно ему посочувствовать в этом.

– Сочувствуй сколько хочешь, дорогая; но не позволяй, чтобы это зашло дальше. Герои по-своему хороши, когда у них достаточно долларов. Но без денег в наши дни они ничего не стоят; и богатые девушки больше не выходят за них замуж.

– Ха-ха-ха! Кто думает о том, чтобы выйти за него? – Этот вопрос одновременно задали дочь и племянница.

– Никакого флирта, – серьезно предупредила миссис Гирдвуд. – Ничего подобного я не позволяю, особенно с ним.

– А почему особенно с ним, дорогая матушка?

– По многим причинам. Мы не знаем, кто он такой и кем может оказаться. Кажется, он здесь ни с кем не знаком; и его никто не знает. Он чужой в этой стране; считают, что он ирландец.

– О, тетя! Я не буду хуже думать о нем из-за этого. Мой собственный отец был ирландцем.

– Кто бы он ни был, это храбрый и вежливый человек, – негромко заметила Джули.

– И к тому же красивый! – добавила Корнелия, украдкой взглянув на кухню.

– Я думаю, – продолжала Джули, – что тот, кто взбирался на осадные лестницы, не говоря уже о мостах, кто с риском для жизни поднял двух не очень легких молодых леди на вертикальный утес, может обойтись без представлений в обществе, даже если речь идет о Дж., Л. и Б. – «сливках», как они себя сами называют.

– Пфф! – презрительно воскликнула мать. – Любой джентльмен поступил бы так – и по отношению к любой леди. Да он даже не делал разницы между вами и Кезией, которая со своим свертком так же тяжела, как вы обе вместе взятые!

Это замечание заставило девушек рассмеяться; они вспомнили, какой нелепый вид был у негритянки, когда она поднималась на утес. Если бы она не поднималась последней, наверно, вспоминать им было бы не так смешно.

– Что ж, девушки, я рада, что вам весело. Можете смеяться, сколько угодно; но я говорю серьезно. В этом направлении не должно быть ни брака, ни флирта. И не хочу, чтобы вы это обсуждали. Что касается тебя, Корнелия, то я не собираюсь следить за тобой. Конечно, можешь действовать, как захочешь.

– А я не могу? – сразу спросила величественная Джули.

– Тоже можешь, моя дорогая. Выходи замуж за капитана Мейнарда или любого другого мужчину, который тебе понравится. Но если ты сделаешь это без моего согласия, удовлетворишь своими карманными деньгами. Помни, что миллион, оставленный отцом, пожизненно принадлежит мне.

– Помню!

– Да. И если будешь поступать вопреки моим желаниям, я проживу еще тридцать лет из злобы – пятьдесят, если смогу!

– Ну, мама, могу сказать, что ты откровенна. Прекрасная перспектива, если я тебя слушаюсь!

– Но ты ведь не ослушаешься, – ласково сказала миссис Гирдвуд. – Ты понимаешь, что для тебя хорошо. Не зря твоя дорогая мама столько времени и сил потратила на твое воспитание. Кстати, говоря о времени, – продолжала «дорогая мама», доставая с пояса часы, украшенные драгоценными камнями, – бал начнется через два часа. Отправляйтесь в свою комнату и переоденьтесь.

Корнелия послушала вышла, прошла по коридору и зашла в номер, отведенный ей и Джули.

А Джули, напротив, направилась на балкон.

– Будь проклят этот бал! – сказала она, поднимая руки и зевая. – Я бы лучше легла в постель!

– Почему, глупая девочка? – спросила мать, вышедшая вслед за ней.

– Мама, ты знаешь, почему! Будет то же самое, что на последнем балу – мы в одиночестве среди этих высокомерных людей. Я их ненавижу! Как бы мне хотелось их унижить!

– Сегодня ты это сделаешь, моя дорогая.

– Как, мама?

– Ты наденешь мою диадему. Последний подарок мне твоего дорогого отца. Она стоила ему двадцать тысяч долларов! Если бы мы могли повесить к бриллиантам ярлычок с ценой, как бы завистливо на них смотрели! Ну, неважно; я думаю, и так догадаются. Так, моя девочка, мы их унижим!

– Не очень!

– Не очень? Бриллианты на двадцать тысяч долларов! Да другой такой тиары нет в Штатах. Ничего подобного на балу не будет. Бриллианты сейчас в моде, и ты получишь возможность торжествовать, достаточно, чтобы ты получила удовлетворение. Может быть, когда мы снова вернемся сюда, у тебя, кроме бриллиантов, будет и другое украшение.

– Какое?

– *Геральдическая корона!* – ответила мать шепотом на ухо дочери.

Джули Гирдвуд вздрогнула, как будто эти слова совпали с ее тайными мыслями. Выросшая в роскоши, она привыкла иметь все, что можно купить за золото; но есть то, что не купишь за золото, – вход в те загадочные круги, которые именуются «общество», *сливки сливок*.

Даже в непринужденной атмосфере курорта она чувствовала, что они не приняты. Как и ее мать, она обнаружила, что Ньюпорт – слишком фешенебельное место для семьи нью-йоркского розничного торговца, как бы успешно он ни продавал свои товары. То, что сказала мать, соответствовало смутной картине, рисовавшейся в воображении дочери; и слова «геральдическая корона» подорвали шансы капитана Мейнарда гораздо больше, чем долгая материнская лекция на любую тему.

Мать все это знала. Она не приучила свою дорогую Джули к романтическому неповиновению. Однако в этот момент ей показалось, что нужно продолжать ковать железо. И она заговорила снова:

– Геральдическая корона, моя любовь; а почему бы и нет? В Англии есть лорды, во Франции графы, их десятки; они будут рады ухватиться за то, что ты обещаешь. Миллион долларов и красавица – не нужно краснеть, дочь, – эти два обстоятельства не часто совпадают, их не подберешь на улице – ни в Лондоне, ни в Париже. Награда, достойная князя! А теперь, Джули, еще одно слово. Буду откровенна и скажу тебе правду. Именно с этой целью, только с этой мы едем в Европу. Обещай держать свое сердце свободным и отдать руку тому человеку, которого я для тебя выберу, и в день свадьбы я отдам тебе половину состояния, оставленного твоим покойным отцом.

Девушка колебалась. Возможно, она думала о своем недавнем спасителе. Но если у нее на уме и был Мейнард, то он вызвал лишь легкий интерес – недостаточно сильный, чтобы она возражала против таких замечательных условий. К тому же Мейнард, может быть, совершенно равнодушен к ней. У нее не было оснований считать по-другому. Испытывая легкие сомнения, она думала о том, что ответить матери.

– Я говорю серьезно, – продолжала тщеславная мать. – Как и тебе, мне не нравится наше положение здесь. И только подумать: эти никчемные потомки «старых подписавшихся» (Так называют 56 политических деятелей, подписавших Декларацию независимости США. – Прим. перев.) считают, что окажут снисхождение, женившись на моей дочери! Ах! Ни один из них этого не получит – без моего согласия!

– Без твоего согласия, мама, я не выйду замуж.

– Хорошая девочка! Ты получишь свадебный подарок, который я обещала. А сегодня ты не только будешь носить мои бриллианты – я их тебе подарю. Иди, надевай их!

Глава VIII

Вельможа инкогнито

Этот диалог, закончившийся таким образом, происходил перед окном номера миссис Гирдвуд. Наступил вечер, беззвездный и тихий, очень благоприятный для подслушивающих. И подслушивающий оказался поблизости.

В номере вверху стоял джентльмен, поселившийся только сегодня.

Он прибыл ночным пароходом из Нью-Йорка и зарегистрировался под именем «Свинтон», поставив впереди скромное «мр». Рядом было приписано «с лакеем». Лакей оказался небольшого роста молодым черноволосым человеком в костюме слуги для путешествий.

В Ньюпорте мистера Свинтона как будто никто не знал; большую часть дня он провел, исследуя городок, основанный Коддингтоном и полный исторических памятников.

Хотя он вступал в разговор почти со всеми встречаемыми, очевидно, никто его не знал; и он сам не узнал ни одного человека.

Привычка незнакомца к вежливости встречала такой же ответ со стороны жителей Ньюпорта; особенно учитывая, что незнакомец внешне выглядел как джентльмен, а за ним на почтительном расстоянии следовал хорошо одетый послушный лакей.

Те, с кем разговаривал незнакомец, думали:

– Какой достойный посетитель.

Во внешности мистера Свинтона ничто не противоречило подобному выводу. Это мужчина лет тридцати, и все эти годы были проведены приятно. Среди блестящих рыжеватых кудрей глаз не нашел бы ни одной седой прядки; и если на лице и появились уже морщинки, они не видны под тщательно расчесанными бакенбардами, которые сливаются с усами – короче, такими волосами на лице, которые свидетельствуют о принадлежности к конной гвардии. Невозможно не узнать в нем англичанина; и так и решили и жители городка, и обитатели отеля.

Еда, которая называется в отеле «ужин с чаем», закончилась, и незнакомец, не зная, чем заняться, сидел у окна своего номера на четвертом этаже и спокойно курил сигару.

Разговор его со слугой – с одной стороны, демонстрировавший странную снисходительность, с другой – необычную фамильярность, – можно не пересказывать. Разговор кончился, и слуга лег на диван. Хозяин, положив руки на подоконник, продолжал наслаждаться никотином и йодированным воздухом, пропитанным запахами водорослей, который приходил со стороны океана.

Спокойная сцена благоприятствовала размышлениям, и мистер Свинтон размышлял.

– Очень приятное место! Дьявольски красивые девушки! Надеюсь, мне удастся среди них найти богатую. Конечно, есть здесь и старухи с набитыми чулками, хотя потребуется время, чтобы отскать их. Мне бы только взглянуть на их рог изобилия, и если не удастся повернуть его к себе широким концом, я поверю в то, что говорят о женщинах янки: будто они держатся за свой кошелек гораздо крепче своих простодушных сестер англичанок. Я слышал, тут есть несколько наследниц. Одна или две с миллионом – долларов, конечно. Пять долларов за фунт. Посмотрим! Миллион долларов означает двести тысяч фунтов. Что ж, годится. Сойдет даже половина. Интересно, есть ли деньги у этой хорошенькой девушки, от которой не отходит мамаша. Немного любви добавят интереса к игре и сделают ее более приятной. А! Что там внизу? Женщины у окна, обительницы номера под нами. Разговаривают. Если выйдут на балкон, я смогу их услышать. У меня как раз настроение немного послушать и узнать о каком-нибудь скандале; если женщины по эту сторону океана такие

же, как по ту, я что-нибудь интересное обязательно услышу. Клянусь Юпитером! Они выходят! Словно нарочно для меня.

Именно в этот момент Корнелия вернулась в свою комнату, а миссис Гирдвуд вслед за дочерью вышла на балкон, продолжая разговор, который начался внутри.

Благодаря тихому ночному воздуху и законам акустики, мистер Свинтон слышал каждое сказанное слово, даже легкий шепот.

Чтобы его не увидели, он отступил за жалюзи своего окна и стоял, прижавшись ухом к щели, слушая с вниманием шпиона.

Когда диалог кончился, он осторожно выглянул и увидел, что молодая леди ушла внутрь, но мать по-прежнему остается на балконе.

Свинтон осторожно прошел в комнату, поднял лакея и несколько минут торопливо и негромко поговорил с ним – словно давал слуге какие-то очень важные указания.

Затем надел шляпу, набросил на плечи легкий сюртук и поспешно вышел из комнаты.

Слуга последовал за ним, но после некоторого промежутка.

Несколько секунд спустя можно было увидеть англичанина, который небрежно прогуливался по балкону. Он остановился в нескольких шагах от того места, где, опираясь на перила, стояла вдова.

Он не пытался заговорить с нею. Без представления это было бы откровенной грубостью. И смотрел не на женщину, а в сторону моря, словно любовался огнем маяка на скале Корморант. Маяк в безлунную ночь казался по контрасту особенно ярким.

В этот момент рядом с ним появилась миниатюрная фигура и слегка кашлянула, привлекая его внимание. Это был лакей.

– Милорд, – сказал он негромко – хотя достаточно громко, чтобы расслышала миссис Гирдвуд.

– А ... Фуэнк... в чем дело?

– Какой костюм ваша светлость наденет на бал?

– А... пуостой чёуный, конечно. С белым воуотничком.

– А перчатки, ваша светлость? Белые или желтые?

– Желтые... желтые.

Слуга, коснувшись шляпы, отошел.

«Его светлость», как назвал слуга мистера Свинтона, вернулся к зрелищу маяка на скале Корморант.

А вдова розничного торговца потеряла спокойствие. Душа ее от волшебных слов «милорд» пришла в смятение. Живой лорд в шести футах от нее! Вот это да!

Женщина имеет право заговорить первой. И миссис Гирдвуд этим правом воспользовалась.

– Мне кажется, сэр, вы здесь впервые – в нашей стране и в Ньюпорте?

– А... да, мадам, вы пуавы. Я пьихал в вашу прьекуасную стуану на последнем пауоходе. А в Ньюпоут пьипплыл сегодня утуом, на коуабле из Ньюаука.

– Надеюсь, вашей светлости понравится Ньюпорт. Это наш самый модный курорт.

– Ах, конечно, понуавится, конечно. Но, мадам, вы обуащаетесь ко мне «ваша светлость». Могу ли узнать, чем обязан такой честью?

– О, сэр, я не могла назвать вас по-другому: я слышала, как вас называл слуга.

– О, этот глупый Фуэнк! Чтоб он пуовалился! Пуошу пуощения, мадам, за йезкость. Очень сожалею о пуоисшествии. Я путешествую инкогнито. Вы поймете, мадам, какое это пьепятствие – особенно в вашей стуане свободы, если ко мне будут постоянно обуащаться «ваша милость». Ужасное пьепятствие, увеяю вас!

– Несомненно. Я вас вполне понимаю, милорд.

– Спасибо, мадам! Очень благодарен вам за понимание. Но я должен попросить вас об одолжении. Из-за глупости моего слуги я полностью в вашей власти. Я полагаю, что уязвляю вас с леди. Я вижу, что это так.

– Надеюсь, милорд.

– В таком случае, мадам, попрошу вас сохранивать эту маленькую тайну. Может, я прошу слишком многого?

– Вовсе нет, сэр. Нисколько.

– Обещаете?

– Обещаю, милорд.

– Вы очень добры. Сотня тысяч благодарностей, мадам! Буду вам вечно благодарен! Может, вы тоже будете сегодня на балу?

– Собираюсь, милорд. Пойду с дочерью и племянницей.

– Ах! Надеюсь, у меня будет удовольствие увидеть вас. Я здесь чужой и, конечно, никого не знаю. Приехал из любопытства, чтобы посмотреть ваши национальные обычаи.

– О, сэр, вам не нужно быть чужим! Если хотите потанцевать и примете в качестве партнерш мою дочь и племянницу, я обещаю, что они обе с радостью примут ваше приглашение.

– Мадам, я покойен вашей щедростью.

Диалог завершился. Пора было одеваться на бал. Лорд поклонился, леди низко присела, и с этим они расстались – в ожидании новой встречи при свете канделябров.

Глава IX

Перед балом

Терпсихора на модном курорте Нового света выглядит так же, как в Старом.

В бальном зале, куда допускаются не только *лучшие люди*, джентльмен-незнакомец найдет мало возможностей для танцевальных упражнений, особенно в заранее распределенных танцах. Когда тесный круг знакомых занимает все места и лучшие позиции на танцевальной площадке, когда зал заполняется и все стремятся танцевать, неудачник без знакомств обнаруживает, что на него никто не обращает внимания. Распорядители бала слишком заняты собой, чтобы помнить о почетных обязанностях, которые налагает на них розетка или лента в петле для пуговицы.

Когда дело доходит до общих танцев, у незнакомца появляется больше шансов. Здесь все определяется взаимным согласием двух индивидуумов, и незнакомец должен быть очень невзрачной личностью, если не найдет себе пару – девушку, вечно сидящую у стены в ожидании приглашения.

Такая атмосфера царила и в бальном зале Ньюпорта.

Молодой офицер, только что вернувшийся из Мексики, ощутил ее. Он по существу был бóльшим чужаком в стране, за которую сражался, чем среди ее противников!

В обеих странах он был путник – полубродяга, полуавантюрист, и вели его в пути интерес и склонности.

Танцевать с незнакомыми людьми, вероятно, самое скучное занятие для путешественника; если только это не свободный танец, в котором легко знакомятся: моррис (Народный танец, в котором танцующие одеты в костюмы героев баллад о Робин Гуде. – Прим. перев.), маскарадный танец или фанданго.

Майнард знал или догадывался, что это справедливо и для Ньюпорта, как и повсюду. Тем не менее он решил пойти на бал.

Отчасти из любопытства, отчасти чтобы провести время; и немного потому, что возникла возможность снова встретить двух девушек, с которыми он так романтически познакомился.

С тех пор он видел их несколько раз – за обеденным столом и в других местах; но только на расстоянии и без возможности возобновить знакомство.

Он был слишком горд, чтобы навязываться им. К тому же они должны были сделать первый шаг, чтобы подтвердить знакомство.

Но они его не делали! Прошло два дня, а они ничего не сделали – ни на словах, ни письмом, ни поклоном или другим знаком вежливости.

– Что мне думать об этих людях? – спрашивал он себя. – Должно быть, самые настоящие... – Он собирался сказать «снобы», но остановился, вспомнив, что говорит о леди.

К тому же такое определение неприменимо к Джули Гирдвуд! (Он постарался узнать имя девушки) В такой же степени, как неприменимо оно к графине или королеве!

Тем не менее со всей своей галантностью он не мог сдержать легкого раздражения; оно становилось особенно острым, потому что везде, где он появлялся, оказывалась и Джули Гирдвуд. Ее прекрасное лицо и фигура повсюду преследовали его.

Чем объяснить ее равнодушие? Его можно даже назвать неблагодарностью.

Обещанием, которое он дал на верху утеса?

Вполне возможно. С тех пор он видел девушек только в сопровождении матери, дамы очень строгого вида. Может быть, тайну следует хранить от нее? И, может быть, именно поэтому девушки сохраняют расстояние?

Возможно. Ему было приятно так думать; тем более что раз или два он замечал на себе задумчивый взгляд темных глаз Джули; увидев, что он на нее смотрит, девушка тут же отворачивалась.

«Зрелище – петля, чтоб заарканить совесть короля» (Пер.М.Лозинского. – Прим. перев.), – провозгласил Гамлет.

Бал! Он позволит разгадать эту маленькую загадку, может быть, вместе с другими. Конечно, он встретит там всех трех: мать, дочь и племянницу! Странно, если бы у него не появилось возможности предстать; но нет, он должен полагаться на распорядителей бала.

И он отправился на бал; оделся со всем вкусом, какой позволяет мода – в те дни она была либеральна и допускала даже белый жилет.

Но только на краткое мгновение, подобное сверканию метеора: теперь все опять носят только черные.

Бальный зал открыли.

У входа в Оушн Хаус стали останавливаться экипажи, в коридорах этого самого избранного из всех каравансараев зашуршали шелка.

Из большого обеденного салона (освобожденного по такому случаю и ставшего достойным самой Терпсихоры) доносились не очень гармоничные звуки настройки скрипок и тромбонов.

Семейство Гирдвудов появилось с большим éclat (Великолепие, пышность, фр. – Прим. перев.). Мать одета как герцогиня, хотя и без своих бриллиантов. Они сверкали на лбу Джули и на ее белоснежной груди – потому что набор состоял из диадемы и ожерелья с подвесками.

Одета она была роскошно и выглядела великолепно. Кузина выглядела более скромно, и ее красота совершенно терялась рядом с великолепием Джули.

Миссис Гирдвуд допустила ошибку, явившись слишком рано. Конечно, в зале уже был народ. Но все это были «организаторы» развлечения; поддерживаемые своим полуофициальным положением, они собирались группками и разглядывали сквозь веера или через лорнетты заходивших в зал танцоров.

Гирдвудам пришлось пройти через ряд любопытных, чтобы добраться до противоположного края зала.

Они проделали это успешно, хотя и заметили высокомерные взгляды, сопровождаемые шепотом. Слова, если бы они были услышаны, могли их смутить.

Это был второй ньюпортский бал – обычные танцы не в счет, – на котором присутствовали миссис Гирдвуд с девушками.

Первый не принес им удовлетворения, особенно Джули.

Но сейчас перед ними лучшие перспективы. Миссис Гирдвуд вошла с уверенностью, которую обрела в недавнем разговоре с знатным инкогнито мистером Свинсоном.

Она видела этого джентльмена днем, поскольку, как мы уже говорили, он не закрывался в своем номере. И очень приободрилась, заметив, что он обладает красивым лицом и фигурой. Волосы у него тоже самого аристократического вида. Но как может быть иначе? Она одна знает причину – она и дочь, с которой она, конечно, поделилась своим открытием. Вряд ли стоит строго ее осуждать за слегка нарушенное обещание.

Милорд сообщил ей, что прибыл из Канады, хотя нанес мимолетный визит в Нью-Йорк.

Она надеялась, что в бальном зале никто его не узнает – по крайней мере пока все не увидят его с ее семьей и она не сможет представлять его.

У нее для этого были важные причины. Вдова галантерейщика, она тем не менее обладала настоящим инстинктом матери, ищущей пары для дочери. Такой инстинкт не зависит от климата. Его можно встретить в Нью-Йорке и Лондоне, в Вене и в Париже. Она верила

в первое впечатление – со всеми «компромиссами», которые часто с этим связаны; и, предполагая применить свою теорию на практике, познакомила с ней дорогую Джули, пока обе одевались для бала.

Дочь обещала быть послушной. Да и кто поступил бы иначе перед перспективой приобрести бриллианты на двадцать тысяч долларов?

Глава X

Предыдущая договоренность

Существует ли более невыносимая атмосфера, чем в бальном зале перед началом танцев?

Это сама сущность неловкости и неудобства.

Какое облегчение, когда дирижер поднимает палочку, и в сверкающем зале наконец-то слышатся мелодичные звуки!

Миссис Гирдвуд и девушки испытали это облегчение. Они начинали думать, что становятся *слишком заметны*. Джули считала, что стала объектом циничных замечаний, совсем не связанных с ее бриллиантами.

Она вся горела от досады и раздражения, и ее настроение не улучшалось от того, что образовывались пары, но никто не подходил, чтобы пригласить ее или кузину.

В этот момент появился мужчина, сразу изменивший ход ее мыслей. Это был Мейнард.

Несмотря на уговоры и предупреждения матери, мисс Гирдвуд не могла смотреть на этого человека равнодушно. Не говоря уже о том, что произошло между ними, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что в зале нет более красивого мужчины. И вряд ли такой появится.

Он приближался со стороны входа, явно направляясь к Гирдвудам.

Джули подумала, подойдет ли он. Она надеялась на это.

– Наверно, я могу потанцевать с ним, мама, – если он меня пригласит?

– Еще нет, моя дорогая, еще нет. Подожди еще немного. Его светлость – мистер Свинтон – может появиться в любую минуту. Ты должна первой танцевать с ним. Интересно, почему его нет, – продолжала нетерпеливая родительница, в десятый раз поднося к глазам лорнет и осматривая зал. – Вероятно, человек с таким титулом не должен приходить слишком рано. Неважно. Джули, жди до последнего момента.

Но вот наступил последний момент. Сыграно вступление, музыка сменилась гулом голосов и шорохом шелковых платьев; джентльмены передвигались по натертому полу, склонялись в поклонах и произносили традиционное: «Разрешите пригласить». Затем некоторое проявление нерешительности со стороны леди, возможно, сверяющейся со своей танцевальной карточкой, наклон головы, такой легкий, что его с трудом можно заметить; леди с деланным недовольством встает и принимает протянутую руку, словно оказывает огромное одолжение.

Ни одна из молодых леди под опекой миссис Гирдвуд не участвовала еще в такой пантомиме. Распорядителя явно не выполняли свои обязанности. Не было в зале девушек красивее, и десятки джентльменов с удовольствием потанцевали бы с ними. То, что на девушек не обращают внимания, явно случайность.

Вдова торговца все больше сердилась. Теперь она чувствовала, что можно быть менее разборчивыми в выборе партнеров. Если лорд не появится, она не будет возражать и против бывшего офицера.

– Да собирается ли он вообще приходить? – думала миссис Гирдвуд, имея в виду Свинтона.

– Подойдет он к нам? – думала Джули, но о Мейнарде.

Взгляд ее был устремлен на него. Он по-прежнему приближался, хотя и медленно. Ему мешали пары, занимавшие положение для танца. Но она видела, что он смотрит в их сторону, смотрит на нее и кузину.

Он явно пребывал в нерешительности, взгляд его выражал вопрос.

Но, должно быть, увидев встречный взгляд Джули, приободрился, потому что поведение его неожиданно изменилось, он подошел к молодым леди и поклонился им.

Они ответили на его приветствие, может быть, более сердечно, чем он ожидал.

У обеих все еще ни одного приглашения. Кого ему пригласить? Он знал, кого пригласил бы по своему выбору, но возникает вопрос об этикете.

Как оказалось, выбора у него не было.

– Джули, моя дорогая, – сказала миссис Гирдвуд, представляя очень модно одетого индивида, которого только что подвел к ней один из распорядителей. – Надеюсь, ты никому еще не обещала кадрили. Я пообещала, что ты будешь танцевать с этим джентльменом. Мистер Смитсон – моя дочь.

Джули взглянула на мистера Смитсона; взгляд ее говорил о желании, чтобы он оказался далеко отсюда.

Но она еще не была приглашена и потому вынуждена согласиться.

Как только мистер Смитсон отошел, Мейнард поторопился пригласить Корнелию и повел ее, чтобы образовать «противоположную пару».

Внешне удовлетворенная таким распределением, миссис Гирдвуд вернулась на свое место.

Но ее удовлетворение было недолгим. Не успела она коснуться подушки сидения, как увидела направляющегося к ней джентльмена, выдающейся наружности, в желтых перчатках. Это был его светлость *инкогнито*.

Миссис Гирдвуд попыталась вскочить, потом посмотрела туда, где образовался квадрат с участием ее девушек. Смотрела она в отчаянии. Слишком поздно. Кадриль уже началась. Мистер Смитсон с ее дочерью делал фигуры «направо и налево». Проклятый мистер Смитсон!

– Ах, мадам. Еще уаз добуый день! Бал начался, как я вижу; и я остался без кадйили.

– Это правда, мистер Свинтон; вы немного опоздали, сэр.

– Какой удау! Навейно, молодые леди пйиглашены?

– Да. Они танцуют вон там.

Миссис Гирдвуд показала. Приложив к глазу лорнет, мистер Свинтон осмотрел зал. Взгляд его блуждал в поисках дочери миссис Гирдвуд. О племяннице он не думал. И взгляд его был больше устремлен на партнера Джули, чем на нее самое.

Единственного взгляда хватило, чтобы успокоиться. С мистером Смитсоном можно не считаться.

– Надеюсь, мадам, – сказал он, поворчиваясь к матери, – надеюсь, мисс Гийдвуд не заполнила всю свою кауточку на вечеу?

– Конечно, нет, сэр!

– Может быть, следующий – кажется, по пуогуамме это вальс – может, я смогу танцевать с ней? Могу я попуосить вас вмешаться в мою пользу; конечно, если нет пйедыдущей договоренности.

– Я знаю, что ее нет. Могу пообещать вам это, сэр; моя дочь, вне всякого сомнения, будет счастлива танцевать с вами.

– Спасибо, мадам! Тысячу буагодауностей!

Решив благополучно этот вопрос, дружелюбный вельможа продолжал оживленно разговаривать с вдовой розничного торговца, как будто они были равными по положению.

Миссис Гирдвуд была от него в восторге. Насколько превосходит этот подлинный отпрыск аристократов Британии выскочек из Нью-Йорка и Бостона! Ни Старый доминион (Прозвище штата Вирджиния, – Прим. перев.), ни Южная Каролина не могут породит такого очаровательного человека! Какая редкая удача – эта счастливая встреча с ним! Благословен будь этот «глупый Фуэнк», как назвал его светлость своего маленького лакея.

Фрэнк заслужил подарок, и миссис Гирдвуд решила, что когда-нибудь он его получит.

Занят ли у Джули следующий танец? Конечно, нет! И следующий за ним тоже, и еще, и еще. Она будет танцевать с ним весь вечер, если он пожелает. И как хотелось бы миссис Гирдвуд, чтобы ее освободили от обещания, чтобы весь Ньюпорт узнал, что мистер Свинтон – лорд!

Таковы были мысли миссис Гирдвуд; конечно, она не высказывала их вслух.

В кадрили возможности для визави незначительные. Но Мейнард улучшил их, пригласив мисс Гирдвуд на вальс. Договорившись об этом, они расстались.

Менее чем через десять минут в зале можно было увидеть группу из двух леди и двух джентльменов, решавших какой-то неприятный вопрос. Короче говоря, возникла сцена.

Леди были миссис Гирдвуд и ее дочь, джентльмены – мистеры Мейнард и Свинтон.

Они сошлись только что; джентльмены не поклонились друг другу и никак не приветствовали, но обменялись взглядами, свидетельствовавшими, что они друг друга узнали. Этот взгляд явно говорил о старинной взаимной неприязни.

В суматохе момента миссис Гирдвуд этого не заметила. Зато заметила дочь.

Что между ними произошло?

Разговор объяснит это.

– Джули, моя дорогая, – заговорила миссис Гирдвуд, – я записала тебя на первый вальс. Ты будешь танцевать с мистером Свинтоном. Мистер Свинтон – моя дочь.

Представление только закончилось, как подошел Мейнард, чтобы воспользоваться обещанием девушки, и стал четвертым участником сцены.

Враждебный взгляд, которым обменялись джентльмены, длился всего секунду; затем молодой офицер повернулся к мисс Гирдвуд и предложил ей руку.

Послушная властной матери, девушка колебалась.

– Простите мою дочь, сэр, – сказала миссис Гирдвуд, – но она уже занята.

– Правда? – удивленно воскликнул бывший капитан и в поисках объяснения повернулся к дочери.

– Мне кажется, нет, мама? – нерешительно сказала Джули.

– Конечно, да, дитя мое! Ты знаешь, я пообещала мистеру Свинтону это еще до начала бала. Как неловко получилось. Надеюсь, сэр, вы ее извините?

Последние слова были адресованы Мейнарду.

Он снова посмотрел на Джули. Она по-прежнему колебалась. Но вид ее словно говорил: «Простите меня».

Истолковав это так, Мейнард сказал:

– Если таково желание мисс Гирдвуд, я освобождаю ее от обещания.

И снова посмотрел ей в лицо, ожидая ответа.

Ответа не было!

Молчание – знак согласия. Мейнард вспомнил эту старинную пословицу. Поклонившись всем трем одновременно, он повернулся и исчез среди танцующих.

Через шесть секунд Джули уже кружилась в танце, ее покрасневшая щека лежала на плече человека, которого никто не знал, но танцевальным искусством которого все восхищались.

– Кто это незнакомец? – спрашивали все. Это произносили даже Дж., Л. и Б.

Миссис Гирдвуд заплатила бы тысячу долларов, чтобы иметь право удовлетворить их любопытство. Чтобы все позавидовали ее дочери, которая танцует *с лордом* !

Глава XI

Эмоции в бальном зале

Вдобавок к стойке, за которой решаются дела с администрацией отеля и где платят по счетам, в Оушн Хаус есть еще одна, предназначенная исключительно для выпивки.

Это уютное укромное помещение, частично подземное; туда спускаются по лестнице только поклонники Вакха.

О его существовании мало кому известно, кроме узкого круга посетителей.

Здесь, в подвале, разговор джентльменов, разогретых выпивкой, может приобретать грубые и резкие формы без опасности, что его услышат нежные уши прекрасных сильфид, скользящих по коридорам вверх.

Так и должно быть; так подобает высококлассному заведению, каким, несомненно, является Оушн Хаус; все здесь приспособлено к аскетической атмосфере Новой Англии.

Пуритане предпочитают выпивать «втихомолку».

В вечера балов этот бар находится под особым присмотром – не только со стороны охраны отеля, но и из других отелей и «коттеджей».

Терпсихора всегда испытывает жажду – она одна их поклонниц Вакха; танцы обычно посылают толпы поклоняющихся в это святилище веселого бога.

В Оушн Хаус в вечера балов можно заказать вино и наверху – это обычно шампанское и другие легкие вина со льдом; но только внизу можно выпивать, покуривая сигару.

По этой причине многие танцоры в перерывах спускались по лестнице, верущей в бар для выпивки.

Среди них был и расстроенный Мейнард.

– Смэш (Спиртной напиток с сахаром, мятой и льдом. – Прим. перев.) на бренди! – заказал он, останавливаясь у стойки.

– Из всех людей – Дик Свинтон! – рассуждал он про себя в ожидании выпивки. – Значит, правда, что его выгнали из гвардии. Вполне заслуженно, я этого и ожидал. Проклятый бездельник! Интересно, что привело его сюда. Игра в карты, наверно: охотится на богатых американских голубей! Ему явно покровительствует мамаша Гирдвуд, а он нацелился на дочь. Как он сумел представиться им? Бьюсь об заклад, они не очень много о нем знают.

– Смэш на бренди, мистер!

– Что ж, – продолжал Мейнард, успокаиваясь под действием ледяного напитка и наркотического запаха мяты. – Это не мое дело. И после происшедшего я вообще не собираюсь вмешиваться. Могут иметь его по любой цене. Весь риск на покупателе. Мне не следует винить его в этой маленькой неприятности, хотя я заплатил бы двадцать долларов, чтобы иметь возможность щелкнуть его по носу!

Капитан Мейнард не был неуживчивым человеком. Мысли его объясняются пережитым унижением.

– Должно быть, дело рук матушки, которая в качестве зятя предпочла мне мистера Свинтона. Ха-ха-ха! Если бы только она знала его, как знаю я!

Еще одна порция выпивки.

– Но девушка вынуждена была согласиться. Очевидно. Иначе почему она так колебалась? Проклятый Дик Свинтон! Дьявол!

Третья порция смэша на бренди.

– К дьяволу! Нельзя сдаваться! Если я не вернусь в бальный зал, они решат, что я сдался. А что мне там делать? Я не знаю ни одной женщины во всем зале; а если буду бродить одиноко, как потерянный дух, они смогут смеяться надо мной. Неблагодарные! Ну, может,

не следует быть таким строгим к маленькой блондинке. Может, потанцевать с ней? Но нет! Я больше не подойду к ним. Нужно, чтобы распорядитель подыскал мне партнершу.

Он снова поднес стакан к губам и осушил его.

Потом поднялся по леснице в зал.

Вмешательство джентльмена с розеткой оказалось удачным. Мейнард встретил распорядителя, которому его имя оказалось знакомо, и с его помощью отыскал достаточное количество партнерш.

Он танцевал все танцы: вальс, кадрили, польку и шотландский, и партнерши его были из числа самых красивых.

В таком обществе он мог бы забыть о Джули Гирдвуд.

Однако он ее не забыл.

Странно, но она продолжала привлекать его! Были другие девушки не хуже ее, может, даже красивее; но в калейдоскопе сверкающих танцев он всюду искал взглядом женщину, которая принесла ему одно раздражение. Он видел, что она танцует с человеком, которого он презирает, танцует весь вечер напролет. Все это видят, и все восхищаются этой парой.

Мейнард раздраженно следил за этой прекрасной женщиной; но особую горечь доставляло ему зрелище того, как она, положив голову на плечо Свинтона, слушает его речи, когда они кружатся в танце.

Снова в голову ему пришла мысль: «Я заплатил бы двадцать долларов, чтобы щелкнуть его по носу!»

Он не знал, что такая возможность совсем близко, искать ее не нужно, и обойдется она дешевле.

Может, он бы стал искать такую возможность, если бы не происшествие, слегка успокоившее его.

Он стоял у самого выхода. Гирдвуды выходили из зала, Джули шла под руку со Свинтоном. Подойдя к тому месту, где стоял Мейнард, она посмотрела на него. Он попытался понять смысл ее взгляда. Презрение? Или нежность?

Определить он не мог. Джули Гирдвуд прекрасно владела собой.

Неожиданно она выпустила руку партнера и задержалась, а он вместе с остальными прошел вперед. Слегка повернувшись, так чтобы оказаться ближе к Мейнарду, девушка полупешотом сказала:

– Вы плохо поступили, покинув нас!

– Правда?

– Вам нужно было бы вернуться за объяснением, – укоризненно добавила она. – Я не могла поступить иначе.

И прежде чем он смог ответить, она исчезла; но ее укоризненный тон обрадовал Мейнарда.

– Странная девушка, – говорил он про себя. – Очень оригинально! Может, не такая уж она неблагодарная. Вероятно, все дело в матери.

Глава XII

После бала

Бал почти закончился; уставшие раскрасневшиеся танцующие расходились. Красавицы уже ушли, и среди них Джули Гирдвуд. Только те женщины, которые не пользовались успехом, относительно свежие продолжали сидеть у стен. Для них наступило время развлечений: именно они танцуют «всю ночь напролет до самого утра».

После ухода мисс Гирдвуд у Мейнарда не было причин оставаться. Только она удерживала его здесь. Но теперь, когда его волнуют противоречивые чувства, вряд ли он сможет уснуть; и вот он решил, прежде чем ложиться, еще раз принести жертву в святилище Вакха.

С этим намерением он спустился по лестнице в подвальный салун.

Здесь уже находилось много джентльменов, как и он, пришедших после танцев.

Они стояли группками, пили, курили, разговаривали.

Не обращая ни на кого внимания, Мейнард подошел к стойке и сделал заказ – на этот раз просто бренди с водой.

В ожидании выпивки его внимание привлек чей-то голос. Разговаривали три человека, которые, как и он, стояли у стойки со стаканами в руках.

Говорящий стоял спиной к нему, но по хорошо видимым бакенбардам Мейнард сразу узнал Свинтона.

Собеседников он тоже знал: это были те самые люди в лодке, собаку которых он спугнул выстрелом.

Очевидно, для мистера Свинтона это недавние знакомые: познакомился он с ними на балу; и относились они к нему так, словно тоже считали его лордом.

Он разговаривал с ними с тем странным акцентом, который приписывают английским аристократам, хотя на самом деле это изобретение карикатуристов, пародистов и тех представителей богемы, которые видели «милорда» только в своем воображении.

Мейнарду это показалось немного странным. Но прошло несколько лет с тех пор, как он в последний раз видел этого человека; а время производит очень странные перемены; стиль речи мистера Свинтона, наверно, не исключение.

Судя по тому, как эти трое разговаривали, они уже какое-то время провели у стойки. И настолько опьянели, что не заметили подошедшего Мейнарда.

Он не стал бы обращать на них внимание, если бы не услышал слова, относившиеся явно к нему самому.

– Кстати, сэр, – сказал один из собеседников, обращаясь к Свинтону, – если это не покажется слишком смелым, могу я попросить вас объяснить небольшое происшествие в бальном зале?

– А... о каком происшествии вы говорите, мистеу Лукас?

– Довольно странное – перед первым вальсом. Черноволосая девушка с бриллиантовой диадемой, та самая, с которой вы танцевали весь вечер, – мне кажется, ее зовут мисс Гирдвуд. И тип с усами и эспаньолкой. Старая леди тоже, кажется, принимала в этом участие. Мы с другом случайно стояли поблизости и видели, что между вами произошло что-то вроде сцены. В чем дело?

– Сцена... О, да, да... Этот джентльмен хотел потанцевать с божественной куасавицей, но леди пийедпочла вашего покоуного слугу. Вот и все, джентльмены, увейяю вас.

– Нам показалось, что между вами возникло маленькое напряжение. Нам так показалось.

– Но не мне. Кажется, пуозошло небольшое недоуазумение между ним и молодой леди. Он говойил, что следующий танец за ним, но его не оказалось в кауочке леди. Я ничего общего не имел с этим джентльменом, даже не уазговайивал с ним.

– Но вы посмотрели на него, а он на вас. Мне показалось, что вы собираетесь решить этот вопрос между собой – потом.

– А... нет, он для этого меня достаточно знает.

– Значит, вы с ним были знакомы?

– Немного, очень немного – и очень давно.

– Может быть, в вашей стране? Он кажется англичанином.

– Нет, нисколько. Он пуоклятый ийландец.

Уши Мейнарда к этому времени покраснели.

– А кем он был в вашей стране? – спросил младший из новых знакомых мистера Свинтона, который был таким же любопытным, как старший.

– Кем он был? Да никем, никем.

– Никакого занятия, профессии?

– А, да. Когда я его знал, он был лейтенантом в пехотной части. Ну, конечно, не в лучшей из частей. Мы такого к себе никогда не пйиняли бы.

У Мейнарда начали дергаться пальцы.

– Конечно, нет, – продолжал «вельможа». – Я имею честь, господа, пйинадлежать к гваудии – конной гваудии ее величества!

– Он служил в нашей армии, участвовал в мексиканской кампании. Не знаете, почему он ушел со службы в английской армии?

– Ну, джентльмены, я не хотел бы уаспуостуаняться на такие темы. Я обычно бываю очень остоуожен, понимаете?

– Конечно, вы совершенно правы, – согласился спрашивавший. – Мне только показалось странным, что офицер вашей армии оставил службу и принял должность в нашей.

– Если бы я знал что-нибудь похвальное об этом джентльмене, – продолжал Свинтон, – я бы, конечно, с уадостью уассказал. К несчастью, я не знаю. Совсем напуотив!

Мышцы Мейнарда, особенно на правой руке, свело болезненной судорогой. Нужно еще совсем немного, чтобы он вмешался в разговор. Достаточно еще одного замечания – и, к несчастью для себя, мистер Свинтон его сделал.

– Пуавда в том, джентльмены, – продолжал он, по-видимому, под влиянием выпивки лишившись обычной осторожности, – что лейтенант Мейнауд – капитан Мейнауд, как, я слышал, он тепей себя называет, – бы изгнан со службы в английской армии. Таковы слухи, хотя я не стал бы за них уучаться.

– *Это ложь!* – воскликнул Мейнард, неожиданно срывая с руки кожаную перчатку и с размаху ударяя ею по лицу Свинтона. – Ложь, Дик Свинтон! И если вы не виноваты в ее рождении, то ответите за распространение. Таких слухов никогда не было, и вы отлично это знаете, негодяй!

Щеки Свинтона побелели, но это была бледность страха, а не гнева.

– А... вы здесь, Мейнауд! Ну... я ведь сказал... я сказал, что это не пуавда! А вы называете меня негодяем! И вы удайили меня пеучаткой!

– Готов повторить и слово и удар. И плюну вам в лицо, если вы не возьмете свои слова назад!

– Взять назад?

– Ну, достаточно! Даю вам возможность подумать. Мой номер 209, на четвертом этаже. Надеюсь, вы найдете друга, который согласится подняться ко мне. Моя карточка, сэр!

Дрожащими пальцами Свинтон взял предложенную карточку и отдал взамен свою. Бросив презрительный взгляд на него и его собеседников, Мейнард повернулся к стойке, хладнокровно закончил свою порцию и, не говоря ни слова, поднялся по лестнице.

– Вы с ним встретитесь? – спросил старший из собутыльников Свинтона; впрочем, ввиду происшедшего вопрос мог показаться оскорбительным.

– О... конечно, конечно, – ответил гвардеец конной гвардии ее величества, не замечая нотки грубости. – Как однако неловко! – задумчиво продолжал он. – Я здесь чужой... у меня нет ни одного друга...

– О, в этом не будет никаких затруднений, – прервал его Лукас, владелец ньюфаундленда. – Я с удовольствием буду вашим секундантом.

Человек, предложивший свои услуги, был самым отъявленным трусом; во всем отеле не найти второго такого, включая самого Свинтона. У него были причины участвовать в дуэли с капитаном Мейнардом; но гораздо безопасней выступать в роли секунданта; и никто не понимал этого лучше, чем Луис Лукас.

Не впервые будет он выступать в таком качестве. Дважды играл он подобную роль и потому пользовался некоторой известностью, которую по ошибке смешивали с храбростью. На самом деле он был настоящим трусом; хотя воспоминание о предыдущей встрече с капитаном Мейнардом вызывало у него злость, он ничего не предпринял. Ссора Мейнарда со Свинтоном давала возможность отомстить и одновременно оставаться в безопасности.

– Либо я, либо этот мой друг, – добавил Лукас.

– С удовольствием, – подтвердил тот.

– Спасибо, джентльмены; буагодайю вас обоих! Вы чйезвычайно добуы! Но, – продолжал неуверенно Свинтон, – мне неловко пользоваться вашей помощью в этой непийятности. У меня есть несколько стауых товайищей в Канаде, они там служат со своими частями. Я им телегуафиую. А этот тип подождет. Давайте оставим эту тему и еще выпьем.

Все это было сказано с внешним хладнокровием. Но на самом деле Свинтон пытался выиграть время и разработать какой-нибудь план, который помог бы ему не вызывать Мейнарда.

Если немного выждать, это может получиться; но если дело перейдет в чужие руки, у него не будет выхода – только драться.

Такие мысли быстро мелькали в сознании мистера Свинтона, пока готовилась свежая выпивка.

И когда стакан коснулся его губ, они были сухими и побелевшими; а в последующем разговоре мистер Свинтон участвовал с отсутствующим видом, который говорил о серьезной тревоге.

Только очень много выпив, он вернул себе видимость храбрости; но час спустя, когда он, спотыкаясь, поднимался к себе по лестнице, даже пары алкоголя не могли затмить воспоминание о встрече с «пуюклятым ийландцем»!

Оказавшись у себя в номере, он отбросил всякое сходство с вельможей. И отказался от речи с акцентом. Теперь говорил он как простой человек, к тому же пьяный. Речь его была адресована лакею, который не спал в ожидании хозяина.

Считалось, что слуга спит в маленькой прихожей. Последовавший диалог можно было бы назвать конфиденциальным. И случайно услышавший его человек очень удивился бы.

– Ты оставил меня на всю ночь! – хозяйским тоном сказал лакей.

– Ти ... ик ... ты говоришь правду, Фрэнк. Ночь... не очень хорошая. Напротив – отвратительная ночь!

– О чем ты, пьяница?

– О чем? О чем... О том, что игра кончена! Черт побери! Какой был отличный шанс! Никогда такого не было. Миллион долларов! И все погубило – из-за этого проклятого типа!

- Какого типа?
 - Я его встретил там... внизу... на балу. Давай еще выпьем! Выпьем... и еще...
 - Нельзя ли немного пояснее? В чем дело?
 - В чем дело? В чем?.. Ик... В нем!
 - В ком в нем?
 - В ком... в ком... в Мейнарде! Ты ведь знаешь Мейнарда? Он служил в тридцатой... в тридцатой... Не помню номер его части. Неважно. Он здесь... этот проклятый щенок!
 - Мейнард здесь! – воскликнул лакей тоном, очень необычным для слуги.
 - Конечно! Верно, как день, говорю тебе! И готов все испортить, посмеяться надо мной!
 - Ты уверен, что это он?
 - Уверен...уверен... Еще бы! Он мне дал хорошее основание поверить... будь он проклят!
 - Ты говорил с ним?
 - Да... да.
 - Что он тебе сказал?
 - Не очень много – не очень. Дело в том... что он сделал.
 - Что?
 - Дьявольски много... да... да... Ну, неважно. Пошли спать, Фрэнк. Расскажу утром.
- Игра окончена. Клянусь... Юпитером!
- И неспособный дальше продолжать разговор, тем более раздеться, мистер Свинтон упал на кровать; и почти сразу же захрапел.
- Может показаться странным, но лакей лег с ним рядом.
- Однако его поведение не покажется странным, если знать, что на самом деле это его жена.
- Дружелюбная «Фэн» свернулась рядом со своим пьяным мужем.

Глава XIII

Вызов вызвавшему

– По правде сказать, я сделал большую глупость, – размышлял молодой ирландец, заходя в спальню и садясь в кресло. – Но по-другому поступить было нельзя. Такие разговоры, даже если они исходят от Дика Свинтона, окажут мне здесь плохую услугу. Конечно, здесь его не знают; и он как будто выдает себя за важного человека; несомненно, охотится за каким-нибудь голубем, как те, что внизу.

– Очень вероятно, нечто подобное он говорил и матушке – или самим девушкам? Может, именно поэтому они обошлись со мной так невежливо. Ну, что ж, сейчас я его прижал и заставлю пожалеть о неосторожных словах. Изгнан из английской армии! Лживый пес, сказавший это! Только додуматься до такого! И судя по тому, что я слышал, это как раз его история. Должно быть, отсюда и взял. Не верю, что он еще служит в гвардии: что бы он в таком случае здесь делал? Гвардейцы не покидают Лондон без очень серьезных причин. Готов поклясться, что его самого выгнали. Когда я в последний раз о нем слышал, он был на самом краю этого.

– Он, конечно, будет драться? Не стал бы, если бы смог увернуться; я его слишком хорошо знаю. Но ему не дам возможности выкрутиться. Перчаткой по лицу, не говоря уже об угрозе плюнуть в лицо – и два дестяка джентльменов, присутствующих при этом и все слышавших! Будь он в десять раз больший трус, он не посмеет уклониться.

– Конечно, он меня вызовет; где же мне отыскать секунданта? Трое или четверо, с которыми я здесь бегло познакомился, не подходят. К тому же они могут не захотеть помочь мне после столь краткого знакомства.

– Что же мне делать? Телеграфировать графу? – После некоторого перерыва Мейнадр продолжал рассуждать про себя. – Я знаю, что граф в Нью-Йорке; и знаю, что он немедленно придет мне на помощь. Сейчас, когда мексиканская война кончилась, он с радостью ухватится за такое дело. Ведь ему пришлось вложить в ножны свою саблю революционера. Входите! Кто может стучать в дверь джентльмена в такой неподходящий час?

Еще не было пяти утра. Снаружи слышался стук карет гостей бала, которые держались до самого конца.

– Не может же это быть посыльный Свинтона? Входите!

Дверь открылась, и показался ночной портье.

– В чем дело?

– К вам джентльмен, сэр.

– Пригласите его!

– Он сказал мне, сэр, что приносит вам извинения за то, что побеспокоил в такой неурочный час. Но у него очень срочное дело.

– Вздор! Зачем ему об этом говорить? – Должно быть, друг мистера Свинтона более деликатный джентльмен, чем тот, кто его послал.

Последнее было произнесено про себя и не предназначалось портье.

– Он сказал, сэр, – продолжал тот, – что прибыл с пароходом...

– С пароходом?

– Да, сэр, с нью-йоркским. Он только что причалил.

– Да, да. Я слышал свисток. И что же?

– Что он прибыл с пароходом и подумал... подумал...

– Оставьте, любезный: не нужно пересказывать мне его мысли. Где он? Проводите его сюда, и пусть говорит сам.

– Из Нью-Йорка? – продолжал Мейнард после выхода портье. – Кто бы это мог быть? И какое важное дело могло заставить разбудить человека в половине пятого утра – предположим, я бы спал, чего, к счастью, нет. Неужели Имперский город в огне, а Фернандо Вуд (Много лет в середине 19 века был мэром Нью-Йорка. Имперский город – одно из прозвищ Нью-Йорка. – Прим. перев.), как второй Нерон, радостно играет на скрипке, глядя на его руны? А! Роузвельдт!

– Мейнард!

Тон восклицаний свидетельствовал о неожиданности встречи и о том, что эти два человека давно не виделись. За возгласами последовало взаимное объятие. Дружба их была такова, что не удовлетворялась простым рукопожатием. Соратники и друзья, они не раз стояли рядом под смертельным огнем на поле битвы. Шаг за шагом поднимались по тяжелым склонам Чапультепека (Древний город в Мексике, возле которого состоялось решающее сражение американо-мексиканской войны 1846-48 годов. – Прим. перев.) перед лицом гаубиц с их смертоносным рычанием, бок о бок упали на вершине контрэскарпа, и кровь их смешивалась, стекая вниз.

С тех пор они друг друга не видели. Неудивительно, что встретились с чувствами, которые соответствовали прожитому вместе.

Прошло несколько минут, прежде чем они могли начать связно разговаривать. До этого они только обменивались восклицаниями. Первым успокоился Мейнард.

– Благослови вас Бог, мой дорогой граф! – сказал он. – Мой великий учитель в искусстве войны! Как я рад снова вас видеть!

– Не больше, чем я вас, cher camarade (Дорогой товарищ, фр. – Прим. перев.)!

– Но почему вы здесь? Я вас не ждал; хотя, как ни странно, только что о вас думал!

– Я здесь, чтобы повидаться с вами – именно с вами!

– А! А в чем дело, дорогой Роузвельдт?

– Вы сказали, что я обучил вас искусству войны. Пусть будет так. Но ученик превзошел учителя, намного превзошел его в славе. Поэтому я здесь.

– Объяснитесь, граф!

– Прочтите, Это сбережет нам время. Видите, адресовано вам.

Мейнард взял протянутое ему запечатанное письмо. На нем было написано:

Капитану Мейнард

Распечатав конверт, он прочел:

«Комитет немецких беженцев в Нью-Йорке в свете последних новостей из Европы надеется, что свобода еще не окончательно истреблена на нашей древней родине. Снова делается попытка восстановить ее, и мы намерены принять участие в том, что происходит в Бадене и в Палатинейте (Группа замков, принадлежавших императорам Священной Германской империи; главный из них находился на Рейне. – Прим. перев.). На нас большое впечатление произвела храбрость, проявленная вами в последней мексиканской войне, ваша забота о тех соотечественниках, которые служили под вашим началом, но особенно ваша всем известная преданность делу свободы. Поэтому мы единодушно решили предложить вам руководство нашим предприятием. Мы понимаем, какие вас ожидают опасности, и знаем, с каким мужеством вы их встречаете. Мы не можем пообещать вам другой награды, кроме славы и благодарности народа. Согласны ли вы, сэр, принять наше предложение?»

Письмо кончалось полудесятком подписей, на которые Мейнард только бегло взглянул. Он знал этих людей и слышал об их движении.

– Согласен, – сказал он, задумавшись всего на несколько секунд. – Передайте мой ответ комитету.

– Передать ответ? Мой дорогой Мейнард, я приехал, чтобы увезти вас с собой.

– Я должен ехать сам?

– И сегодня же. Восстание в Бадене началось, и вы знаете, что революционеры не станут никого ждать. Дорог каждый час. Нас ждут со следующим пароходом. Надеюсь, вам ничего не мешает? Что? Что-то есть?

– Да. Есть одно щекотливое дело.

– Не женщина? Нет, нет! Вы для этого слишком солдат!

– Нет, не женщина.

На лице Мейнарда появилось странное выражение, словно он скрывает правду.

– Нет, нет! – продолжал он с принужденной улыбкой. – Не женщина. Всего лишь мужчина, вернее, существо с внешностью мужчины.

– Объяснитесь, капитан. Кто или что это?

– Ну, дело простое. Час назад я ударил этого типа по лицу.

– Ха!

– Сегодня был бал – здесь, в отеле.

– Знаю. Я встретил уходящих с него. Ну и что?

– Была на нем молодая леди...

– И об этом можно было догадаться. Кто слышал о ссоре, за которой не стояла бы женщина, молодая или старая? Но простите за то, что прерываю вас.

– В конце концов, – продолжал Мейнард, по-видимому, меняя тактику, – мне можно не рассказывать вам об этой леди. Она почти не имеет отношения к делу. Все произошло в баре после окончания бала, когда она уже была в постели, я думаю.

– Пусть она там остается и спит.

– Я пошел в бар, чтобы выпить, и стоял у стойки, когда услышал, что упоминается мое имя. Три человека стояли недалеко от меня и, как я вскоре понял, действительно говорили обо мне. Они немало выпили и меня не видели.

– Одного из этих троих я знал в Англии, когда мы вместе были на британской службе.

– Остальных двоих – я думаю, они американцы – я впервые случайно встретил несколько дней назад. У меня тогда с ними была легкая стычка, но нет необходимости рассказывать вам о ней. Хотя я тогда почти ожидал вызова. Однако вызова не было: можете представить себе, что это за люди.

– Говорил мой бывший сослуживец по английской армии; он слишком вольно рассказывал о моей карьере в ответ на вопросы тех двоих.

– Что же он им сказал?

– Множество лживых выдумок; и хуже всего то, что меня будто бы выгнали с английской службы! Конечно, больше он ничего не сказал. После этого...

– После этого вы пинками вытолкали его из бара. Я прямо вижу, как вы занимаетесь этим легким упражнением.

– Я был не так груб. Только ударил его по лицу перчаткой и протянул свою карточку.

– По правде сказать, когда сообщали о вашем приходе, я подумал, что это его друг, а не мой; хотя, зная этого человека, я очень удивился тому, что он так быстро прислал своего секунданта.

– Я рад, что вы приехали, граф. Передо мной была дьявольская дилемма: у меня здесь нет ни одного знакомого, который мог бы быть моим секундантом. Я ведь могу рассчитывать на вас?

– О, конечно, – ответил граф с такой небрежностью, словно его попросили о сигаре. – Но нельзя ли избежать этой встречи? – добавил он.

Вопрос был продиктован совсем не трусостью. Достаточно одного взгляда на графа Роузвельдта, чтобы убедиться в этом.

Сорока лет от роду, с усами и бакенбардами, в которых уже мелькает серо-стальная седина, с истинно воинской выправкой, он производил впечатление человека, имеющего большой опыт участия в дуэлях. В то же время в нем не чувствовалось ни грубости, ни напускной бравады. Напротив, лицо у него было мягкое и спокойное, только изредка выражение его становилось строгим.

Одна из таких перемен произошла, когда Мейнард коротко ответил:

– Нет.

– *Sacre* (Дьявольщина, фр. – Прим. перев.)! – со свистом произнес граф французское проклятие. – Как неловко! Только подумать: свобода всей Европы зависит от такой ничтожной помехи! Недаром сказано, что женщина – проклятие человечества!

– Как вы думаете, – продолжал он после этого своего негалантного замечания, – когда он пришет вызов?

– Понятия не имею. Наверно, в течение дня. Насколько могу себе представить, никаких причин для откладывания нет. Бог видит, мы совсем близко друг от друга: оба остановились в одном отеле.

– Вызов в течение дня. Стрельба или какое там еще оружие – завтра утром. Железной дороги отсюда нет, а пароход только раз в сутки. Отходит из Ньюпорта в семь вечера. Потеряны по крайней мере двадцать четыре часа! *Sac-r-ge!*

Вычисления свои он произносил вслух; делая их, граф Роузвельдт рвал свои пышные усы и смотрел на какой-то воображаемый предмет у себя в ногах.

Мейнард молчал.

Граф продолжал негромко говорить, время от времени издавая более громкие восклицания и переходя с английского на французский, испанский или немецкий.

– Клянусь небом, нашел! – наконец воскликнул он, одновременно вскакивая на ноги. – Нашел, Мейнард, нашел!

– Что вам пришло в голову, мой дорогой граф?

– План, как сберечь время. Мы отправимся в Нью-Йорк сегодня же вечерним пароходом!

– Но только после поединка! Я полагаю, вы включили это в свои расчеты?

– Конечно! Сразимся и успеем на пароход.

Если бы Мейнард был впечатлительным человеком, он сказал бы, что такая программа кажется ему маловероятной.

Но он просто попросил объяснения.

– Очень просто, – ответил граф. – Вас вызывают, поэтому за вами выбор времени и оружия. Оружие нас сейчас не интересует. Главное – время.

– Вы предполагаете провести поединок сегодня?

– Предполагаю и проведу.

– А что если вызов придет слишком поздно – вечером?

– *Sarrambo!* – если воспользоваться старым мексиканским проклятием. Я все продумал. Вызов придет рано – *должен* прийти, если ваш противник джентльмен. Я придумал план, как заставить его действовать в нужное нам время.

– Какой же это план?

– Вы ему напишете – лучше я напишу. Сообщим ему, что вам необходимо сегодня вечером покинуть Ньюпорт: дело необыкновенно большой важности требует вашего срочного присутствия. Обратимся к нему, как к человеку чести, и попросим прислать вызов немедленно, чтобы можно было организовать встречу. Если он не поступит так, вы по всем законам чести вольны уехать в любой час.

– Значит, мы вызываем вызывающего. Правильно ли это?

– Конечно, правильно. Я за это отвечаю. Это строго соответствует кодексу.

– Тогда я согласен.

– Достаточно! Я должен заняться составлением письма. Поскольку дело не совсем обычное, нужно немного подумать. Где у вас перо и чернила?

Мейнард указал на стол с писчими материалами.

Подтащив стул, Роузвельдт уселся за стол.

Рассправив лист бумаги и взяв ручку, он принялся за письмо, почти не советуясь с человеком, который в этом письме был кровно заинтересован. Думая о революции в Бадене, граф торопился освободить своего товарища от обязательств, чтобы тот мог поднять флаг свободы его любимой родины.

Вскоре письмо было написано, листок сложен и спрятан в конверт. Мейнард едва дали возможность взглянуть на него.

По его указанию был написан адрес, и письмо отослано *мистеру Ричарду Свинтону*, и как раз в этот момент большой гонг пригласил гостей отеля на фуршет.

Глава XIV

Просьба о немедленном поединке

Первый удар гонга пробудил от сна мистера Свинтона.

Встав с кровати, он неуверенной походкой принялся расхаживать по номеру.

Он был в той же одежде, что на балу, за исключением перчаток.

Но он не думал ни об одежде, ни о туалете. Возбуждение и смятение не давали ему возможности подумать о собственной внешности. Несмотря на головную боль, он был достаточно трезв, чтобы ясно помнить события предыдущего вечера. Слишком хорошо помнил он, на что обрек себя.

Он испытывал различные опасения. Мейнард знал его в прошлом; вероятно, знает и его последующую историю. Всем станет известна его подлинная сущность; и тогда его замечательный план обречен на неудачу.

Но все это мелочь по сравнению с тем, что занимало мысли мистера Свинтона: этот удар по лицу – его можно смыть только с риском для жизни.

Продолжая расхаживать по комнате, он дрожал. Его состояние было настолько ясно, что жена не могла его не заметить. В его встревоженной внешности она видела предвестник чего-то ужасного.

– В чем дело, Дик? – спросила она, положив голову ему на плечо. – Произошло что-то нехорошее. Расскажи мне.

В голосе ее звучали нежные нотки. Даже в опустошенном сердце «хорошенькой всадницы» еще сохранились следы божественной женской природы.

– Ты поссорился с Мейнардом? – продолжала она. – Это так?

– Да! – хрипло ответил супруг. – И не просто поссорился.

– С чего началась ссора?

Не очень связной речью – потому что Свинтон дрожал от последствий пьянства – он ответил на вопрос, пересказав происшедшее, не скрыв даже своего позорного поведения.

Было время, когда Ричард Свинтон не стал бы так откровенно исповедоваться перед Франс Уайлдер. Но оно прошло, не пережив даже медового месяца. Близкое знакомство излечило их от взаимных заблуждений, которые привели к браку. Романтика грешной любви умерла; а вместе с ней и то незначительное уважение, которое они испытывали к характерам друг друга. И настолько эффективно со стороны Свинтона, что он совершенно утратил уважение к самому себе и, не испытывая неловкости, в сущности признался жене в трусости.

Да и напрасно попытался бы он ее скрыть. Она давно обнаружила эту особенность его характера, которая, возможно, больше всего остального заставляла ее пожалеть о том дне, когда она стояла рядом с ним перед алтарем. Теперь их связывало только сознание общей опасности, необходимость самосохранения.

– Ты думаешь, он пришлет тебе вызов? – спросила она: будучи женщиной, она не разбиралась в дуэльном кодексе.

– Нет, – ответил он, поправляя ее. – Вызов должен исходить от меня – от оскорбленного. Если бы только было по-другому... – Он продолжал говорить словно про себя. – Какая ошибка, что я сразу не набросился на него! Если бы я это сделал, все там и кончилось бы; и во всяком случае у меня была бы возможность вывернуться.

Последние слова он произнес не слух. Бывший гвардеец не настолько пал, чтобы делать подобное признание жене. Она видела его, но не слышала.

– А теперь нет никакой возможности, – продолжал он рассуждать. – Эти двое присутствующих. И еще десятка два свидетелей всего происшедшего: они слышали каждое слово,

видели удар, видели, как мы обменялись карточками. По всему отелю пойдут разговоры. Я должен драться или навсегда потерять честь!

Снова поворот, и появилась альтернатива. Бегство!

– Можно упаковаться и незаметно съехать, – продолжал он, давая волю своей трусости. – Какая в этом беда? Меня здесь никто не знает; и вряд ли запомнят мое лицо. Но мое имя? Его они знают. Он постарается, чтобы все его узнали, и правда будет встречать меня повсюду! И только подумать, что я при этом теряю – целое состояние! Я был совершенно уверен, что оно мое вместе с девушкой. Мать уже на моей стороне! Полмиллиона долларов – а со временем и весь миллион! Стоит рискнуть жизнью – даже душой! Если уеду, все потеряно: приобрести можно, только оставшись! Будь проклят мой язык, который привел ко всему этому! Лучше я бы родился немым!

Он продолжал расхаживать по полу, пытаясь укрепить свою храбрость для поединка, но все время уступая трусливым инстинктам своей природы.

Продолжая вести этот внутренний спор, он вздрогнул, услышав неожиданный стук в дверь.

– Посмотри, кто это, Фэн, – торопливым шепотом сказал он. – Выйди наружу; и кто бы это ни был, не позволяй ему заглядывать.

Фэн, по-прежнему в костюме лакея, подошла к двери, открыла ее и выглянула.

– Наверно, коридорный. Принес обувь или воду для бритья.

Такова была догадка мистера Свинтона.

Это действительно был коридорный, но не с тем, о чем подумал мистер Свинтон. На этот раз он принес письмо.

Оно было вручено Фэн, которая оставалась в коридоре, закрыв за собой дверь и прижавшись к ней спиной. Она видела, что письмо адресовано ее мужу. Марки на нем нет, и написано оно совсем недавно.

– Кто его прислал? – небрежно спросила она.

– А тебе какое дело, петушок? – ответил служащий отеля, настроенный поболтать со слугой английского джентльмена.

– Да никакое, – скромно ответил Фрэнк.

– Если хочешь знать, – сказал коридорный, по-видимому, смягчившись, – оно от джентльмена, приплывшего с утренним пароходом. Большой черноволосый тип, шести футов росту и с усами шести дюймов в длину. Наверно, твой хозяин его знает. Больше мне ничего не известно.

Коридорный вручил письмо и занялся другими своими обязанностями.

Фэн вернулась в номер и отдала письмо мужу.

– Утренним пароходом? – переспросил Свинтон. – Из Нью-Йорка? Конечно, другого нет. У кого может быть ко мне дело?

У него в сознании промелькнуло, что долги, сделанные в Англии, могут дойти и до Америки. Вопрос передачи документов. Достаточно сделать передаточную надпись. А Свинтон знал, что юристы общаются друг с другом через Атлантику и обмениваются документами.

Может, это один из английских счетов, пересланный американскому корреспонденту за десять дней до срока бесчестья?

Такое подозрение возникло в его сознании, когда он слушал диалог за дверью. Оно сохранялось, пока он не распечатал конверт и не погрузился в чтение.

Прочел он следующее:

«Сэр, как друг капитана Мейнадра и имея в виду происшедшее между вами вчера, я обращаюсь к вам.

Крайне важные обстоятельства требуют нашего присутствия в другом месте. Нам необходимо уплыть из Ньюпорта пароходом, который отходит в восемь вечера. Но до этого времени еще двенадцать часов, которые позволяют разрешить ваш небольшой спор. Капитан Мейнард просит вас как джентльмена прислать вызов побыстрее. Если вы откажетесь выполнить его просьбу, я, в качестве его друга и хорошо знакомый с дуэльным кодексом, оправдываю его за всяческое участие в дальнейших действиях, касающихся этого дела, и буду защищать от любых клеветнических попыток, которые могут возникнуть впоследствии.

До семи тридцати – нам необходимо полчаса, чтобы добраться до парохода, – ваш друг найдет меня в номере капитана Мейнарда.

К вашим услугам
Руперт Роузвельдт,
граф Австрийской империи».

Не останавливаясь, Свинтон дважды прочитал это любопытное послание.

Содержание письма не взволновало, а напротив, успокоило его.

Что-то похожее на довольную улыбку промелькнуло у него на лице, когда он читал письмо вторично.

– Фэн! – сказал он, торопливо сунув письмо в карман и повернувшись к жене, – позвони и закажи бренди с содой. И еще сигар. И слушай меня внимательно, девочка: ради самой жизни не позволяй официанту совать нос в номер или заглядывать в него. Возьми у него поднос, когда он подойдет к двери. Скажи ему также, что я не смогу спуститься к завтраку, что вчера вечером я напился и сейчас еще не пришел в себя. Можешь добавить, что я лежу в постели. Говори все это уверенно, чтобы он поверил. У меня есть причины – очень важные. Так что постарайся и ничего не испортить.

Молча повинувшись, она позвонила в колокольчик, на который вскоре ответил стук в дверь.

Вместо того чтобы сказать «Войдите!», Фэн, которая уже ждала у двери, вышла – и закрыла за собой дверь, держа ручку от нее рукой.

Стучал тот же веселый парень, который назвал ее петушком.

– Бренди с содой, Джеймс. Со льдом, конечно. Подожди – что еще? О, несколько сигар. Принеси с полдюжины. Мой хозяин, – добавила она, прежде чем коридорный ушел, – не собирается спускаться на завтрак.

Это было произнесено со значительной улыбкой, приглашавшей Джеймса к разговору.

Разговор произошел; и прежде чем уйти выполнять заказ, Джеймс познакомился с беспомощным состоянием английского джентльмена, занимавшего номер 149.

В этом для него не было ничего удивительного. Мистер Свинтон был не единственным постояльцем, который утром заказал бренди с содой. Джеймсу это очень нравилось, потому что увеличивало возможности случайных доходов.

Выпивка и сигары были принесены и внесены в номер; слуга джентльмена не дал коридорному удовлетворить любопытство видом своего страдающего хозяина. Впрочем, даже если бы дверь оставалась открытой и Джеймса впустили в номер, он многого бы не разузнал. Мог бы только рассказать, что хозяин Фрэнка все еще в постели – лежит, закрывшись с лицом простыней.

Мистер Свинтон принял эту предосторожность против случайного взгляда; и даже его лакей не знал причин. Когда дверь закрылась, он отбросил простыню и снова принялся расхаживать по полу.

– Это был тот же самый коридорный? – спросил он. – Тот, что принес письмо?

– Да – Джеймс. Ты знаешь.

– Тем лучше. Открывай пробку, Фрэнк! Мне нужно подкрепить нервы и как следует подумать!

Пока с бутылки содовой снимали проволоку, он взял сигару, откусил кончик, зажег ее и принялся курить.

Одним глотком выпил бренди с содой; через десять минут попросил вторую порцию, а потом и третью.

Несколько раз перечел письмо Руозвельдта, каждый раз возвращая его в карман и не сообщая содержание Фэн.

Время от времени он ложился на спину в постель, держа сигару в зубах: потом опять вставал и начинал ходить – нетерпеливо, как человек, чего-то ожидающий и сомневающийся, произойдет ли это.

Так провел мистер Свинтон весь день, одиннадцать долгих часов, не выходя из своего номера!

Зачем такое поведение, кажущееся столь эксцентричным?

Он один знал причину. И не сообщал ее даже жене, так же как и содержание письма. Предоставил ей строить предположения, не очень лестные для ее хозяина и повелителя.

Шесть раз заказывалось бренди с содовой и принималось с такими же предосторожностями, что и раньше. За день все было выпито и выкурено множество сигар. На обед только тарелка супа и корка хлеба – обычная диета после ночи кутежа. И так продолжалось до семи тридцати.

В это время произошло событие, которое заставило мистера Свинтона неожиданно изменить тактику. Он вдруг из эксцентрика превратился в нормального, если не вполне трезвого человека!

Глава XV

Прощальный взгляд

Всякий знакомый с планировкой Оушн Хаус и его служебных помещений, знает, что конюшня расположена на востоке. К ней ведет широкая дорога, проходящая вдоль южной стороны здания.

В тот самый вечер ровно в половине восьмого из конюшни выехала карета и остановилась у входа в отель. Поскольку на экипаже не было герба отеля, а кучер был не в форме, очевидно, экипаж был наемный; а время его вызова говорило о назначении. Из далекой гавани слышался свисток парохода, призывавшего пассажиров на борт; экипаж должен был отвезти туда постояльцев отеля.

Карета не обогнула все здание, а остановилась у южной стороны, где также есть выход и ведущие к нему ступени.

Две леди, стоявшие сверху на балконе, видели, как подъехал экипаж, но не придали этому значения. Их занимал разговор, гораздо более интересный, чем зрелище пустой кареты или даже рассуждения о том, кого она отвезет на пароход. Леди были Джули Гирдвуд и Корнелия Инскип; предмет разговора – «затруднение», возникшее накануне между капитаном Мейнардом и мистером Свинтоном. В отеле весь день только об этом говорили, и новость, конечно, проникла и в номер Гирдвудов.

Корнелия сожалела о случившемся. Джули тоже – по-своему.

Однако, с другой стороны, она не жалела. Втайне она считала себя причиной случившегося и потому была в глубине души благодарна. Она предполагала, что когда мужчины ссорились за выпивкой, они помнили о ней; впрочем, думала она преимущественно не о Свинтоне, а о Мейнареде.

Ожидая, она не настолько заинтересовалась, чтобы встревожиться из-за этого происшествия. Сердце Джули нелегко завоевать или потерять за час.

– Ты думаешь, у них будет дуэль? – дрожа, спросила робкая Корнелия.

– Конечно, будет, – ответила более смелая Джули. – Они не могут от нее отказаться – вернее, не может мистер Свинтон.

– А что если один из них убьет другого?

– А что если они убьют друг друга? Это не наше дело.

– О Джули! Ты считаешь, не наше?

– Я в этом уверена! Какое мы к нему имеем отношение? Мне, конечно, будет жаль их обоих, как и любого другого джентльмена, который по глупости слишком много выпил. Вероятно, в этом вся причина.

Но она лишь делала вид, что предполагает это; да и равнодушие ее было напускным.

Хотя и не очень тревожась, она была далеко не равнодушна. Только вспоминая холодность, которую проявил капитан Мейнард в конце бала, она старалась сделать вид, что ей безразличны последствия.

– Кто уезжает в этой карете? – спросила она, заметив, что выносят багаж.

Кузина, перегнувшись через перила, посмотрела вниз. На кожаном чемодане, повисшем немало переездов, обе смогли прочесть имя «КАПИТАН МЕЙНАРД», а внизу хорошо знакомые буквы «США».

Возможно ли это? Или они ошибаются? Надпись видна неотчетливо, и расстояние велико. Конечно, они ошибаются.

Джули продолжала смотреть на чемодан. Корнелия побежала к себе в комнату за лорнетом. Но прежде чем она успела вернуться, надобность в этом инструменте отпала.

По-прежнему глядя вниз, мисс Гирдвуд увидела капитана Мейнарда, который спустился по ступенькам, подошел к экипажу и сел в него.

С ним был еще один человек, но на него девушка бросила лишь беглый взгляд. Глаза ее были устремлены на бывшего офицера, знаменитого участника мексиканской войны и ее спасителя от ужасов моря.

Куда он уезжает? Багаж и сигнал парохода давали ответ на этот вопрос.

А почему? На этот вопрос ответить гораздо труднее.

Поднимет ли он голову?

Поднял – в то мгновение, когда садился в карету.

Глаза их встретились – полунежно, полуукоризненно, и в обоих взглядах был вопрос.

Но не было времени отвечать на него. Карета покатила, и два человека, которые так необычно встретились, столь же необычно расстались – может быть, навсегда!

Был еще один свидетель отъезда, наблюдавший с гораздо большим интересом, чем даже Джули Гирдвуд, хотя и без ее горечи. Для него это была радость: потому что говорим мы о Свинтоне.

Стоя у окна своего номера на четвертом этаже и выглядывая сквозь спущенные жалюзи, он видел, как подъехала карета, и жадно смотрел, как в нее садятся. Он видел и двух женщин внизу, но в тот момент о них и не думал.

С его груди словно сняли камень; когда Мейнард сел в карету, Свинтон испытал огромное облегчение; когда щелкнул хлыст и застучали колеса, все его страхи исчезли.

Расстроенный вид Джули Гирдвуд его несколько не заинтересовал; не стал он и слушать ее вздох.

Как только карета тронулась, он вскочил на ноги, повернулся спиной к окну и позвал: – Фэн!

– Ну что еще? – был ответ «слуги».

– Относительно этого дела с Мейнардом. Пора мне посылать к нему. Я весь день думал и понял, что могу найти секунданта.

Не очень ловко придуманный предлог – попытка спасти себя от дальнейшего унижения в глазах жены.

– Ты его нашел? – спросила она почти равнодушно.

– Да.

– И кто же это?

– Один из двух, с которыми я вчера познакомился за обедом. На балу мы снова встретились. Зовут его – Луис Лукас.

Говоря это, он протянул ей свою карточку.

– Что мне с этим делать?

– Узнай, какой у него номер. Если ты покажешь карточку, тебе скажет дежурный за стойкой. Пока это все. погоди. Можешь спросить, у себя ли он.

Ни слова не ответив, она взяла карточку и отправилась выполнять поручение. Не проявляя никакого рвения и действовала, как автомат.

Как только она вышла, Свинтон подвинул к столу стул, достал листок бумаги и написал на нем несколько строк.

Потом торопливо свернул листок, вложил в конверт и на конверте написал: «Луису Лукасу, эсквайру».

К этому времени его посыльная вернулась, доложив, что поручение выполнено. Мистер Лукас занимает номер 90; он у себя.

– Номер 90. Это внизу, на втором этаже. Найди его, Фэн, и передай это мое письмо. Передай ему в руки и подожди, пока он не прочтет. Он либо придет сам, либо пришлет ответ. Если он вернется с тобой, оставайся снаружи и не показывайся, пока не увидишь, что он уходит.

Фэн вторично ушла в роли посыльной.

– Кажется, я выпутался из этого нелегкого положения, – рассуждал Свинтон, когда она ушла. – Получилось даже лучше, чем было раньше. Вместо того чтобы испортить мне игру, лишь улучшило мои шансы. Как все-таки мне повезло! Кстати, любопытно, куда это отправился Мейнард, да еще так поспешно? Ха! Кажется, я знаю! Должно быть, связано с тем, что было в нью-йоркских газетах. Эта немецкая революция, с которой в Европе покончили в 48, кажется, возвращается. Теперь я вспоминаю, что в связи с этим упоминали имя графа. Да, это был Роузвельдт! Должно быть, тот самый человек. И Мейнард? Несомненно, отправляется с ними. Еще в Англии он был известен как отъявленный радикал. Так вот в чем его игра? Ха-ха! Великолепно, клянусь Юпитером! Направляет все мне в руки, словно я дергаю за ниточки. Ну, Фэн! Передала мою записку?

– Да.

– И какой ответ? Он придет?

– Да.

– Когда?

– Он сказал сразу. Наверно, это его шаги в коридоре.

– Тогда выйди! Быстрее, быстрее!

Не возражая, переодетая жена выполнила приказ, хотя и чувствовала унижение из-за той роли, которую обещала играть.

Глава XVI

Безопасный вызов

С того момента как карета тронулась и до возвращения торопливо отосланного лакея мистер Свинтон вел себя, как человек, вполне владеющий собой. Выпитое за день словно вернуло его уму обычную остроту; письмо мистеру Луису Лукасу с приглашением он писал в здравом рассудке. Встречу он назначил в своем номере, сопроводив просьбой простить его за то, что сам не пришел к мистеру Лукасу. Причина в том, что он «нагрузился».

Все это он мог бы написать твердым почерком и хорошим стилем, ибо мистер Свинтон не тупица и не невежда.

Однако, напротив, написал неразборчивым почерком и едва подбирая слова – очевидно, чтобы произвести впечатление сильно выпившего.

Все это было не случайно; не случайно было и поведение мистера Свинтона, когда он услышал в коридоре приближающиеся шаги своего предполагаемого посетителя. Поведение его снова стало эксцентричным, каким было в течение всего дня.

Можно было ожидать, что бывший королевский гвардеец, в соответствии со своими прошлыми привычками, попытается привести в порядок туалет перед встречей с гостем. Напротив, мистер Свинтон проделал нечто совсем противоположное: пока мистер Лукас приближался, Свинтон попытался придать себе как можно более беспорядочный вид.

Сбросил сюртук, который в забывчивости проносил весь день; сбросил жилет, скинул помочи; смял рубашку и привел в беспорядок волосы.; и в таком виде стоял в ожидании посетителя. Вид у него был как у человека, только что проснувшегося от сна или протрезвевшего.

И такое поведение, которое лишь утром не было подделкой, он сохранял в течение всего времени, пока гость оставался у него в номере.

Мистер Лукас не подозревал, что англичанин его разыгрывает. Он сам был в таком состоянии, что готов был поверить. Чувствует себя, как он признался, «побитым, как дьявол». Таков был его ответ на приветствие Свинтона.

– А, клянусь Юпитейом! Навейно, так и есть! Я себя точно так же чувствую! Ах... я словно пуоспал целую неделю!

– Ну, вы пропустили три еды, а я две. Смог показаться только за ужином.

– Ужин! Вы хотите сказать, что я и на него опоздал?

– Конечно. У нас мы это называем ужином; хотя мне кажется, в Англии вы в это время обедаете. Сейчас уже девятый час.

– Клянусь небом! Это плохо! Мне кажется, вчеуа вечеуом что-то пуоизошло. Вы ведь были со мной?

– Конечно, был. Я дал вам свою карточку.

– Да, да. Она у меня. Меня оскоубил какой-то тип – мистеу Мейнауд. Если я пуавильно помню, он меня удауил по лицу.

– Верно, ударил.

– И если не ошибаюсь, вы, сэу, обещали сыгуать уоль моего ... дууга.

– Совершенно верно, – согласился Лукас, радуясь возможности получить удовлетворение за свою обиду, и притом так дешево. – Совершенно верно. Готов выполнить свое слово, сэр.

– Спасибо, мистеу Лукас, множество буагодайностей! А сейчас не вйемя уазговайивать! Клянусь Юпитеуом! Я спал так долго, что мог бы пуослыть невежливым. Мне напи-

сать вызов или вы сделаете это сами? Вы знаете все, что пуоизошло, и можете писать, как захотите.

– Ну, в оформлении не будет трудностей, – сказал избранный секундант, который, действуя уже в этой роли в прошлом, был хорошо знаком с «кодексом». – В вашем случае все обстоит очень просто. Этот мистер или капитан Мейнард, как он себя называет, оскорбил вас очень сильно. Я слышал, как об этом говорят в отеле. Вы должны вызвать его на дуэль, если он не извинится.

– Да, конечно. Я так и сделаю. Напишите за меня, а я подпишу.

– Может, вам лучше написать самому? Вызов должен быть написан вашей рукой. Я его только передам.

– Веуно, веуно! Будь пуоклята эта выпивка! Заставляет меня обо всем забыть. Конечно, я сам напишу.

Сев за стол, рукой, которая нисколько не дрожала, мистер Свинтон написал:

«Сэр, относительно инцидента прошлым вечером, я требую у вас удовлетворения, как джентльмен, чью честь вы затронули. Удовлетворение должно быть в форме дуэли или вашего извинения. Предоставляю это вашему выбору. Мой друг мистер Луис Лукас будет ждать вашего ответа.

Ричард Свинтон»

– Как вы думаете, подойдет? – спросил бывший гвардеец, протягивая листок секунданту.

– То что нужно! Коротко и резко. Мне особенно нравится без «ваш покорный слуга». Кажется более вызывающим и скорее вызовет извинение. Куда мне его отнести? Если не ошибаюсь, у вас есть его карточка. Там разве нет его номера?

– Веуно, веуно! Есть кауточка. Посмотрим.

Подняв с пола сюртук, куда он его бросил, Свинтон поискал карточку. Номера не было, только имя.

– Неважно, – сказал секундант, сжимая кусочек картона. – Доверьте это мне. Я вернусь с ответом, прежде чем вы выкурите сигару.

И с этим обещанием мистер Лукас покинул комнату.

Мистер Свинтон сидел, курил сигару, и на лице его было выражение, которое никто, кроме него самого, не смог бы истолковать. Это была сардоническая усмешка, достойная Маккиавелли.

Сигара догорела едва до половины, когда в коридоре показался торопливо идущий мистер Лукас.

Он ворвался в комнату с выражением, свидетельствующим о каком-то странном событии.

– Ну что? – спросил Свинтон намеренно хладнокровным тоном. – Что он сказал?

– Что он сказал? Ничего.

– Навеуно, обещал пйислать ответ с дуугом.

– Он ничего мне не пообещал; по той простой причине, что я его не видел.

– Не видели?

– Да. И, наверно, не увижу. Трус «смылся».

– Смылся?

– Да. СВТ – «сбежал в Техас».

– Клянусь Юпитеуом! Мистеу Лукас, я вас не понимаю!

– Поймете, когда я вам скажу, что ваш противник отправился в Нью-Йорк. Уплыл с вечерним пароходом.

– Клянусь честью, мистеу Лукас! – с деланным изумлением воскликнул англичанин. – Вы, должно быть, шутите.

– Нисколько, уверяю вас. Дежурный сказал, что он оплатил счет и взял с собой все вещи. К тому же я видел кучера, который его отвез и только что вернулся. Он сказал, что высадил мистера Мейнарда и помог отнести на борт его багаж. С ним был еще один человек, какой-то иностранец. Будьте уверены, сэр, он сбежал.

– И не оставил никакой записки, никакого адъеса, где бы я мог его найти?

– Ни слова, насколько мне известно.

– Клянусь Господом!

Человек, о котором они говорили, в этот момент стоял на палубе парохода, выстро шедшего по волнам океана. Рядом работали на корме матросы. Мейнард смотрел на огни Ньюпорта, пробивавшиеся сквозь тьму.

Его внимание привлек огонек на верху утеса. Он знал, что это светится окно в южной части Оушн Хаус.

Он совсем не подозревал, чт`о сейчас о нем говорят в этом кишачем муравейнике красоты и моды, иначе пожалел бы о своем спешном отъезде.

Не думал он и о том деле, которое увлекало его. Мысли его были полны сожалений. Даже пылкая любовь к священному делу свободы не избавила его от этих сожалений.

Роузвельдт, стоявший рядом и видевший тень на лице друга, легко догадался о ее причине.

– Послушайте, Мейнард, – сказал он фамильярным тоном, – надеюсь, вы не вините меня за то, что я вас вырвал оттуда. Я вижу, вы что-то там оставили.

– Оставил что-то? – изумленно повторил Мейнард, хотя и понимал, что имеет в виду граф.

– Конечно, оставили, – оживленно ответил Роузвельдт. – Разве вы можете провести на одном месте шесть дней подряд, не оставив возлюбленную? Верно, повеса?

– Вы несправедливы ко мне, граф. Заверяю вас, я никого...

– Ну, ну, – прервал его революционер, – даже если оставили, забудьте, будьте мужчиной! Пусть теперь сабля будет вашей возлюбленной! Подумайте о том, какие перед нами великолепные перспективы. Как только мы коснемся европейской почвы, вы примете на себя командование целой студенческой армией. Так решила Директория. Отличные ребята, уверяю вас, эти немецкие студенты, подлинные сыны свободы – *a la Schiller* (Подобно Шиллеру. – Прим. перев.), если хотите. Можете с ними делать все, что захотите, пока ведете их против деспотизма. Хотел бы я иметь такую возможность.

Слушая эти волнующие слова, Мейнард постепенно забывал о Ньюпорте – Джули Гирдвуд уходила из его мыслей.

– Может, это и к лучшему, – думал он, глядя на фосфоресцирующий след. – Если бы даже я завоевал ее, что сомнительно, она не такая жена, какая мне нужна. Конечно, я никогда больше ее не увижу. Возможно, оправдается еще раз пословица: «Свет клином не сошелся». Впереди не менее великолепное сияние, хотя пока оно еще не видно!

Глава XVII

«Трус!»

Не успел пароход, несущий капитана Мейнарда из залива Наррагансет, обогнуть мыс Юдифь, как имя его многими стало произноситься с презрением. Два десятка джентльменов видели, какое оскорбление он нанес англичанину, и все, кто это видел, пересказывали остальным. Конечно, будет вызов и дуэль. После такого оскорбления нельзя ожидать ничего другого.

И когда было сделано открытие, что оскорбитель исчез, все удивились и начали соответственно интерпретировать его исчезновение.

У многих такие разговоры вызывали раздражение. О капитане Мейнаarde было мало что известно, кроме сообщений газет, которые называли его имя в связи с мексиканской войной.

Однако это доказывало, что он служил в американской армии; как только стало известно, что оскорбленный – английский офицер, неизбежно сказались национальные пристрастия и чувства.

– В конце концов, – говорили некоторые, – Мейнард не американец!

Несколько смягчило представление о его трусости известие, что он весь день провел в отеле и что противник послал вызов только после того, как капитан уехал.

Однако вскоре эта задержка получила удовлетворительное объяснение, и больше всех для этого постарался Свинтон. Со стыдливим видом он излагал обстоятельства своего «похмелья», полагая, что никому не известно о письме, которое он получил от Рузвельдта.

И так как о нем действительно как будто никто не знал, общий вердикт был таков: герой С., как называли его некоторые газеты, сбежал с поля битвы, на котором нельзя так нарочито демонстрировать свою храбрость.

Однако были и такие, кто не считал, что отъезд Мейнарда объясняется трусостью. Эти люди полагали или подозревали, что есть какой то иной мотив – однако в чем он заключается, они не догадывались.

Все же происшествие оставалось необъяснимым; и если бы капитан Мейнард покинул отель утром, а не вечером, его называли бы гораздо более презрительными именами. Он все же оставался в отеле достаточно времени, что в какой-то степени защитило его от поношения.

Тем не менее он оставил поля боя мистеру Свинтону, который благодаря бесчестному исчезновению противника приобрел репутацию полугероя.

Лорд инкогнито кротко принимал свою славу. Он опасался, что Мейнард вернется или что они встретятся в каком-нибудь уголке мира: в любом случае придется отвечать за торжествующее хвастовство. Поэтому он демонстрировал скромность, отвечая на расспросы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.